

Дэлл 2: Меган

Автор:

[Вероника Мелан](#)

Дэлл 2: Меган

Вероника Мелан

Город

Если в некогда счастливых глазах любимого человека поселилась тень, если тот, кто призван защищать, предлагает сделать то, против чего восстает сердце, настало время самому принимать решения. И ничего, что они «спорные», и, что предстоит одному в другой мир. Ведь настоящие друзья – на то и друзья, чтобы в любой жизненный период составить тебе компанию.

Вероника Мелан

Дэлл 2: Меган

От автора: когда вам кажется, что у истории уже не может быть продолжения, поверьте – может. У любой, даже у той, в конце которой стоят слова «Happy End». Да и, в конце концов, что они означают? Что сценарий дошел до определенной точки и дальше может (и иногда должен) совершить некий новый неожиданный поворот. Приятного чтения!

Глава 1

Эта комната звалась «счастливой».

Не помню, кто из нас подал идею украсить стену гостиной на втором этаже нашими фотографиями, но традиция, как и положено хорошим традициям, быстро установилась, и к сегодняшнему дню на стене висело уже двадцать семь разнокалиберных деревянных рамок.

Раньше я почти не замечала это место – не намеренно игнорировала, но не видела нужды рассматривать наше прошлое «сейчас», когда «сейчас» настоящее ощущалось гораздо привлекательнее. Ведь счастливый человек не ищет подтверждения собственной радости, он ей просто дышит...

Но теперь я приходила сюда все чаще. Каждый вечер. Всмотривалась в наши с Дэллом лица, глаза, улыбки – не то искала фальшь, не то пыталась вспомнить «как это» – легко балдеть от жизни вдвоем, не то пыталась напиться частичкой света, который хранили кусочки фотобумаги.

«Скоро я вынюхаю его весь».

Зябко.

Фотографии были настоящими. Радость на них тоже.

Тогда куда же потихоньку испарялась моя собственная? Почему в последнее время я чувствовала себя так, будто мой магический кристалл гас, с него медленно, но неотвратно слетала волшебная пыльца, сияние тухло.

Разве можно до умопомрачения, до одури, до состояния «больше жизни» любить кого-то, а потом вот так запросто, с бухты-баракты... взять и разлюбить?

Часть меня – некая очень глубокая часть – знала, что я все еще люблю Дэлла, как раньше, но что-то все равно шло не так – я медленно и неотвратно «трезвела» от привычных чувств.

«Не спеши с выводами, – благоразумно одергивала я себя, – еще ничего неизвестно».

А что должно быть известно? Почему я теперь вместо теплоты улыбок вижу губы и зубы, вместо нежности касаний – кожу ладоней, вместо знакомого человека

ощущаю рядом почти чужого мужчину? Ведь чувства никогда не гаснут просто так – должны быть причины. А мы друг друга даже не обижали – разве что дулись иногда в шутку секунд по пять-десять, ждали, кто первый подойдет целоваться...

Вот мы на островах – уже немного загорелые, но все еще красноватые, – я повисла на спине Дэлла, как пиявка-всадник, а он смеется. Брызги, солнце, море – хорошо было. Вот снимок из любимой кофейни, где мы впервые пили кофе вдвоем, – его сделал по нашей просьбе торопливый официант с торчащими к потолку волосами (до сих пор помню свой вопрос о том, сколько же геля он убил на прическу?). Вот мы, довольные как никогда, на ступеньках новой бани – ох, часто же мы потом в ней парились. И нет, в снег с жару я выпрыгнуть так и не решилась, но, как говорит Бернарда, «какие наши годы...».

Моменты, моменты, моменты.

«Может, он меня чем-то обидел?»

«Может, я его?»

Не хочу быть трезвеющим человеком, хочу быть счастливой, как раньше, ведь это мое право!

Но «право» меня не слушало и с каждый днем все дальше ускользало в небытие.

– Снова тут?

Он привык видеть меня здесь. Иногда подолгу стоял рядом, рассматривал снимки. Теперь взял за руку, и я привычно приготовилась нырнуть в омут ласковой и пьянящей нежности, но ощутила лишь теплые пальцы другого человека. Как студент медицинского вуза.

«Бред какой-то...»

– Спать пойдём? Темно уже...

Я улыбнулась, но не повернулась – неладное он заметит быстро. Ни к чему выяснять то, что совершенно не выяснено – к тому же, может статься, что мне все это просто кажется. Полоса белая, полоса черная – говорят, так у всех.

– Я хотела еще почитать перед сном.

– Как знаешь.

Он не добавил ни «я буду тебя ждать», ни «спокойной ночи» – вообще ничего. Просто развернулся и ушел тяжелой, неуверенной походкой. Как будто не своей.

* * *

Я мучила собственный телефон под сводом шкафов темной библиотеки – здесь всегда было тихо, и стояло самое удобное кресло. Свет мне не нужен, заглядывающей в окно луны и яркого экрана достаточно.

Сумасшедший хирург, полосующий себе ладони скальпелем, вероятно, чувствовал бы меньше, нежели я, бесконечно задаваясь вопросом «что с нами случилось?» И, главное, когда? Ведь уже не первый год вместе и всегда радовались. До сегодняшнего дня.

Вот снимки почти месячной давности – поездка в Картин. Там все было, как обычно: двое влюбленных, походы в горы, экскурсии, рестораны местной кухни. В моих собственных глазах ни тени дискомфорта. Значит, позже. Две с половиной недели назад, дома – мы вешаем новые шторы. Оба смешливые, дурашливые. Тоже «чисто». Вот мой неудавшийся пирог по рецепту Райны – шоколадный бисквит получился слишком плотным, хоть им о стену колоти...

И я вдруг вспомнила.

Да, точно, две недели назад Дэлл даже не стал пробовать тот пирог. Обычно он всегда все пробовал, даже если не был голоден – просто делал мне приятное, – а тут пробубнил «не хочу» и ушел. Я подумала – настроение. Тем же вечером спросила его, собирается ли он делать на новый год «залп» и услышала то, чего не ожидала услышать никогда:

– Скучно. Каждый год одно и то же. Давай просто купим в магазине?

В магазине?! Его любимые «петарды»? Да он за право быть устроителем светового шоу каждый год ругался с друзьями – мол, какие покупные, если свои красивее? Они отговаривали – много работы, он упрявился как бык – любил свое занятие.

А тут в магазин предложил сам...

Одна вытянутая на поверхность странность тут же потянула за собой и другие: Дэлл стал часто смотреть вечерами телевизор. Никогда не смотрел, а тут на тебе – сидит по часу, щелкает пультом, ворчит, будто пытается забыться. Бывает, что и с виски. Несколько раз поднимался в спальню с заплетающимися ногами, заваливался спать прямо в одежде – как будто пытался от чего-то сбежать. Он стал смотреть мимо меня – как будто на меня, но в то же время мимо. Взгляд рассеянный и чуть растерянный, как у человека, частично потерявшего память. А потом еще мой вчерашний вопрос о том, доделал ли он «Мишек?»

«Мишками» мы называли подвижные бомбы «М6С» – заказ сделали ему уже давно, собирались через несколько дней забрать, он сам рассказывал.

И Дэлл почти минуту вспоминал, «какие такие Мишки», хотя сам же выдумал это слово.

Вспомнил. И отчего-то стал недовольным, как будто я, как сварливая жена, наступила на больную мозоль.

Опять настроение?

А, может, это не он, а я? При угасающих чувствах люди любят на кого-нибудь перекладывать ответственность – мол, все стало в тебе раздражать: крышку от зубной пасты завинчиваешь не так, вилками в раковине гремишь, волосы твои по всей ванной собираю...

Но Дэлл меня не раздражал, он просто... как будто больше не был моим прежним Дэллом.

Разве так бывает? От отчаяния хотелось грызть локти.

В спальню я вошла в начале первого – мой возлюбленный уже спал. Прямо поверх одеяла, на животе, почему-то в одном носке.

Я вздохнула.

* * *

(Sirius Eyes – Loneliness)

– Стивен, он как будто болеет...

– Как будто? Или болеет?

Что на это ответить?

В гостиной Лагерфельда я сидела сутки спустя, и за последние двадцать четыре часа не случилось ничего нового, только старое – Дэлл ощущался все более чужим. За окном пасмурный и чистый, похожий на аккуратную старушку в кружевах зимний день, но праздничного настроения ноль – не хочу встречать Новый Год, делая вид, что все в порядке.

Док уловил мое шаткое настроение и попросил:

– Расскажи мне, что именно навело тебя на мысли о его болезни?

Я занервничала. Мы сидели за пустым столом, и комкать пальцами было нечего, кроме ремня собственной сумки.

– Он... не такой, как раньше. Рассеянный, вспыльчивый. Стал выпивать перед телевизором вечерами.

– Пока не вижу ничего криминального.

- Он часто смотрит не на меня, а мимо.

- Мег, - оборвали меня мягко и смущенно прочистили горло, - может,... это личное?

«Мол, может, у вас полоса «охлаждения»? Или просто поссорились?»

Сам того не подозревая, Стивен задел за живое - за те самые мои собственные саднящие мысли о том, что это возможно «личное».

- Может быть. Вот только мы не ссорились.

Теплые глаза цвета древесного меда смотрели внимательно. Лагерфельд всегда оставался доктором и не отправлял «пациентов» восвояси лишь потому, что те что-либо не могли объяснить внятно.

- Еще симптомы?

- Он стал забывать некоторые вещи...

- Какие?

- Например, о том, что ему срочно нужно доделать заказ с «Мишками».

- Да? Уже интереснее.

- Он даже не сразу вспомнил о том, что это такое - «Мишки». И еще предложил купить фейерверк для Нового года в магазине...

Теперь Док смотрел на меня так, будто я рассказывала сказки.

- Наш Дэлл?

Как будто уже «не наш».

Мой протяжный вздох вместо ответа.

– Знаешь, если все так, как ты говоришь, я не могу понять одну вещь – почему Одриард не пришел ко мне сам? Ведь Дрейк всех нас научил самодиагностике, и уж минимальные отклонения от нормы мы заметить способны.

– Он не замечает.

– И как же ты предлагаешь заметить их мне? Мне пациент нужен под пальцами, а не на расстоянии трех метров. Положим, я зайду к вам в гости и даже смогу снять минимальную информацию, приобняв его у порога, но этого мало, сама понимаешь. Для полного сканирования...

– Давай просто сходим к ним в гости, – мягко прервала Стивена Тайра, которая в этот момент вошла в гостиную – щеки с улицы розовые, с шапки на пол каплями срывались талые снежинки. – Выпьем чаю, посмотрим.

– Издалека?

Ему в ответ мягко улыбались. А я увидела, что Тайра ощутила мой самый главный позыв – «помогите, я не знаю, что мне делать».

– Мы придем к вам часов в шесть, хорошо?

Я выдохнула с облегчением.

– В шесть. Отлично! Куплю конфет.

И оставила за спиной двоих, умевших переговариваться (и договариваться) без слов – пару, у которой все до последнего микрона, до самой дальней пылинки Вселенной было хорошо. Совсем не как у меня.

Ступив на хрусткое крыльцо, я натянула на голову шапку. Снег оседал на землю осторожно и совершенно неслышно. Вокруг стоял красивый, спокойный и умиротворенный декабрьский Нордейл.

* * *

Вечер.

Для чаепития я достала лучший фарфоровый сервиз и разложила в вазочку заблаговременно приобретенные трюфели. Еще выставила на стол низкие граненые стаканы и коньяк – подумала, вдруг мужчины решат расслабиться, поговорить по душам.

Но пока гости, как и Дэлл, ограничивались чаем.

Диван, два кресла, стеклянный столик; щебетала Тайра:

– Меган давно звала меня посмотреть на Тайланские лилии – жаловалась, что не цветут. А я подумала, почему бы не позвать Стивена? Ведь мы совсем не часто собираемся вместе...

«Умница», – думала я с благодарностью. Она нашла благовидный предлог, избавила меня от необходимости объяснять Дэллу наличие внезапных гостей и отвечать на вопрос, «почему это старина Лагерфельд натужно сверлит меня взглядом?»

А Стивен сверлил. Даже я ощущала ту невидимую руку, которую док протянул к «пациенту».

Дэлл делал вид, что все в порядке, кивал. Улыбался, где нужно, «присутствовал», а не отсутствовал мысленно, как часто случалось в последнее время, и вообще вел себя обычно. Я горемычно вздыхала – тяжесть на моих плечах росла. Док скажет – «все хорошо».

– А еще знаете? Ведь я сейчас веду курсы по круглогодичному цветению домашних растений, ко мне уже записалось двадцать три человека. Всего один час в день. Даже журнал «Сад на окне» заинтересовался, приезжали корреспонденты, брали интервью, делали фото...

– Правда?

Речь Тайры текла, как целительная вода, – заполняла пустоты, смягчала атмосферу, напивала воздух свежестью. Повезло Доку.

– Да. Наверное, это они сделали мне такую большую рекламу – Стив говорит, пора открывать полноценную школу. Но Школы ведут Мастера, а я... просто люблю цветы.

Еще минут сорок общались о пустом: предстоящих праздниках, «петардах», которые Дэлл с радостью согласился делать (Стив в этот момент крайне выразительно на меня посмотрел), цветочных удобрениях, внезапно успокоившейся преступности, открытии новой галереи живописи, необычно мягкой (что не могло не радовать) погоде... Коньяк так и не открыли.

А на пороге (Дэлла от проводов гостей отвлек телефонный звонок) Стив наклонился ко мне и прошептал:

– Он здоров, Меган. Как бык. Физически точно.

То, чего я больше всего боялась. Лагерфельд оделся сам, взял с плечиков теплую женскую куртку. А Тайра смотрела напряженно.

– Нет, не здоров. Его будто одолел чужой дух...

– Дух?

– О чем ты говоришь, любовь моя?

– Я таких прежде не видела. Он проник Дэллу в разум...

Вот! Она заметила то же, что и я!

– Разум? Ну, вы даете, девчонки. Тогда тебе не ко мне, Мег, а к Халку.

Это все, что Стив успел добавить, прежде чем в коридоре послышались шаги хозяина дома.

* * *

– Пожалуйста, Халк, пожалуйста...

Это все, что я запомнила из собственных слов по телефону. Конрад отвечал, как Док, мол, процедура непростая, нужно, чтобы человек согласился на нее добровольно, иначе сознание не увидеть... А я лепетала, что, если он не поможет, я одна не справлюсь, потому уже совсем-совсем не знаю, что делать.

Сенсор действительно был моей последней надеждой. Если он откажет, куда мне – к Дрейку? И тот, как Лагерфельд, упрекнет в том, что мы с Дэллом не способны самостоятельно решить личные проблемы?

И тогда я останусь один на один с собственной бедой.

Как много людей вокруг, как мало тех, кто чувствует чужую боль.

Халк почувствовал. И потому сообщил, что заедет через сорок минут. И да, чтобы не подставлять меня, причину отыщет сам, но ничего не гарантирует.

Я была благодарна и за это.

* * *

Я стояла возле шторы в темной комнате и смотрела в окно. Темно-красная машина Конрада блестела под светом фонаря на подъездной дорожке.

Он там уже полчаса... Может, Дэлл ему все расскажет? Или увидит сам?

Я не знала, чего боялась больше: того, что Халк выйдет и скажет, что Дэлл болен, или что он здоров. С болезнью, как с врагом: если знаешь в лицо, можно что-то сделать. А что делать с неизвестностью?

Страшно, когда ты чуешь беду, а все говорят, что все хорошо. Они видят снаружи, они не ощущают внутри того, что медленно и неотвратно рвутся жизненно-важные ниточки. Тынь-тынь-тынь... И скручиваются в беззвученные струны. Я хочу любить, как раньше, знаю, что умею и что даже люблю, как раньше. Только в пустоту, почти без отдачи, потому что приемник на том конце сломан, и никто не отвечает в рацию: «Первый-первый, я второй, лови волны нежности назад...»

Что я буду делать, если...

Хвала Создателю, мне не пришлось тонуть в мрачных мыслях слишком долго – позади тихонько щелкнул дверной замок. Вошел Халк.

– Как он? Как? Расскажи...

Конрад выглядел задумчивым и неприятно серьезным. И все равно красивым мужчиной со светло-серыми удивительными глазами. Кажется, его шевелюра после Тали так и не вернула темный оттенок, выгорела под тамошним солнцем навсегда. А, может, именно так нравилось Шерин.

– Признаю, он нестабилен, – он говорил тихо, чтобы не расслышали из коридора. – Но в пределах допустимого. Да, будто в разладе с самим собой, но мало ли какими могут быть причины?

– А тебе он о них не рассказал?

– Он и так воспринял меня напряженно. Думаю, понял, зачем я пришел.

Значит, неприятному разговору быть.

– А стабилизировать его нельзя?

– Только с его согласия.

– А он...

– Его не выказал.

Черт.

Вот и все. Конрад уйдет, его слова «все в пределах допустимого» повиснут в воздухе, а проблема сама собой не исправится. Еще и Дэлл на меня наедет за

«докторов».

Я тяжело вздохнула. Осталось только расплакаться перед чужим (хоть и другом) человеком. Кого теперь звать на помощь, к кому идти? Или просто слушать, а в тишине рвутся последние струны? Те самые, на которых еще держится наша мелодия.

- Мег...

Он заметил набрякшие в моих глазах слезы. А ведь я старалась прятать.

- Давай я лучше стабилизирую тебя?

- Зачем?

- Ты едва держишься. Возможно, все решится само собой или после разговора, но тебе ведь нужно до него «дожить».

«И пережить».

- Согласна? Это придаст тебе сил и решимости.

Странно, но я была ему благодарна. Действительно, едва ли мне помогут успокоиться обычные таблетки, да и помощь, предложенная так тепло, от души, всегда к месту.

- А надолго это... придаст мне сил?

- Я поставлю стабильный эмоциональный каркас, который будет действовать, ну, скажем, неделю...

- Лучше две или три, можно?

- Можно.

- А... что нужно делать?

– Ничего, – Халк мягко улыбнулся и взялся за мое лицо руками. – Просто смотри мне в глаза.

– Это не больно?

– Нет. Просто смотри...

А дальше светло-серые радужки светились в темноте. Совсем чуть-чуть. Было немного неприятно и щекотно, а еще почему-то горячо внутри головы, будто противился вторжению и оттого вскипал мой собственный мозг.

– Горячо...

– Молчи.

Время застыло. Была я, и был Халк. Прямо внутри меня – много Халка.

А потом ладони разжались.

* * *

Дэлл так и сидел в кабинете, откуда не так давно ушел гость. Смотрел не то себе на руки, не то на свет фонарика, который держал в руках, – маленький факел, из макушки которого пульсировала, будто живая, светлая полоса. Я никогда до того не видела эту штуку ни в его руках, ни вообще у нас в доме.

– Что это?

Его настроение было тяжелым и грустным, я ощутила это уже с порога.

– Фонарик. Рэй прислал, нашел в какой-то своей экспедиции...

Щелкнул переключатель – свет погас. Остался гореть торшер в углу да хранитель экрана на мониторе. Дэлл вздохнул так тяжело, будто готовился произнести прощальную речь. Наверное, не кинуться вперед, не опуститься на

колени перед ним и не залепетать мне помогла «решетка стабильности» Халка.

– Сколько это будет продолжаться, Мег?

Я не стала спрашивать «что» – у нас не было принято играть в дураков и обманывать друг друга.

– Сколько ты еще будешь присылать ко мне разных «специалистов» – одного за другим?

«Да, наверное, после Стива нужно было выждать хотя бы несколько дней».

Я вздохнула тоже и промолчала.

– Кто следующий? Дрейк? Что именно ты скажешь ему – «что-то Дэлл мне не нравится?» Мег, может... – его голос непривычно дрогнул, – ... я тебе просто разонравился?

И еще раз по больному месту. Да со всего маху.

«Спасибо большое».

– Нет. Я все так же люблю тебя.

Я подошла к нему, опустилась рядом на ковер, прижалась щекой к ноге, как кошка. Погладила колено.

– Просто я... волнуюсь.

– Из-за чего?

– Что-то не так... разве ты не чувствуешь?

– Со мной?

Как бы мне просто хотелось ответить «с тобой». Но, может, все-таки «с нами»?

- Не знаю...

- Иди сюда.

Спустя минуту я уже сидела у него на коленях. Моя рука на его груди – под пальцами мерно бьется сердце. Как когда-то в машине, а снаружи дождь. Он никогда не бросал меня в беде, никогда – лечил шрамы, защищал, наказывал обидчиков. И теперь самому любимому человеку в жизни не могла помочь я.

- Мне страшно, – прошептала тихо, – и я от этого устаю.

Он тоже устал – я чувствовала. От непонимания, от моего неприятия его другого.

- Неужели у меня нет права иногда побыть в дурном настроении?

- А отчего оно дурное? От меня?

Вот и настало время того самого разговора – не пришлось ждать три недели.

- Нет.

Вот и камень с плеча. По крайней мере, один.

- Тогда... отчего?

Если не расскажет сейчас, все просто продолжится.

- Не уверен... Не знаю. Просто депрессия, может... Кризис.

Я заглянула ему в глаза так глубоко, как только могла – конечно, я не Халк, но, говорят, любовь лечит куда лучше, и он ее там обязательно увидит.

- Я могу тебе помочь?

Меня нежно погладили по щеке.

– Нет, Мег... Я не знаю, откуда это взялось, – чувство, что я не делаю в жизни чего-то главного, важного. Что я – как будто пустое место. И еще...

Я боялась даже дышать, чтобы не перебивать.

– ...меня как будто зовет к себе другое место, незнакомое. Я понимаю, что я там никогда не был, но тоска накрывает каждый раз все сильнее. Бред, да?

Бред. И не бред.

Если есть незнакомое ощущение, значит, есть и причина.

– Мы ее найдем, – пообещала я серьезно.

– Кого? Эту землю?

– Нет, причину.

Он улыбнулся печально, совсем невесело.

– Готова за меня драться до конца?

– Готова.

И гулко забилося, вторя словам, сердце.

– Вот только знать бы еще, с кем...

В этом он прав. Врага мы действительно не видели, однако теперь я знала самое важное – мы все еще вместе.

Пока вместе.

* * *

Нордейл в любое время года – чудесный город, но в декабре он становился особенно сказочным. Чем ближе к Новому Году, тем больше гирлянд появлялось на деревьях – кто и когда их крепил – загадка. Светились особенным золотистым светом фонари; самопроизвольно возникали на изогнутых дужках кованых вывесок стеклянные шарики. И будто из ниоткуда случался наплыв сезонных уличных торговцев, продающих в тележках на каждом углу сладкие вафли, засахаренные орехи, шоколадные крендели.

Зима только началась, и потому Нордейл – еще пока «обычный» Нордейл, разве что уютно-снежный, чистый. Атмосфера праздника проявится в полную силу недели через две, когда каждая витрина магазинов превратится в сказочную декорацию, – мне же ее, этой самой атмосферы праздника, хотелось прямо сейчас, и не на улице, а в собственном доме.

И потому я, приминая хрусткий снег подошвами ботинок, шагала за гирляндами.

У нас были цветные, но в этом году хотелось повесить в каждую комнату монотонные – светло-желтые. И, может, прикупить еще несколько потолочных снежинок. Помнилось, как счастливо мы с Дэллом занимались подвешиванием украшений в прошлом году, – беззаботное время, легкое, невесомое.

«Пусть оно вернется».

Да и просто проветрить голову – всегда хорошая идея. Купить в ближайшей кофейне апельсиновый кофе с карамелью, опуститься на одну из лавочек, подышать морозным воздухом, поглазеть на прохожих...

Успешно проветривать голову мне удавалось до самого обеда – за это время я успела нагрузить сумку четырьмя коробками диодной ленты и двумя упаковками блестящего узорного снега, – а потом... позвонил Стив.

«Мег, ты только не волнуйся, – произнес он в трубку ровно, – но на сегодняшней тренировке с Дэллом случилось ЧП – он не сумел преодолеть препятствие. Его «помяло», но уже все хорошо, я отвез его к себе, восстановил...»

Мои колени ослабли внутри торгового павильона – как раз возле лавочки.

«Помяло?» Что именно означало сказанное доком слово? Порезало? Обожгло? Порвало? Я не хотела даже пытаться это представить. Там, где ребята тренировались, внутри Пантеона Миражей, на пути могло возникнуть все, что угодно. И для того, чтобы обойти или увернуться от этого «чего угодно» требовалась максимально быстрая реакция, которая у Дэлла обычно присутствовала.

– Как? – спросила я хрипло и ошарашено. – Ведь он всегда... справлялся?

И потому со временем я отвыкла волноваться.

– Да, справлялся. Но сегодня в его крови... – кажется, Стив не желал мне в этом признаваться, но и утаивать не имело смысла, – я обнаружил слишком много алкоголя. Недопустимое количество.

Дэлл напился поздно вечером? Или хлебнул уже с утра?! Еще одно дурацкое совпадение?

– Быть не может... Только не перед работой.

– Да, неудачный момент. В любом случае не жди его до вечера – пусть поспит у меня, не вижу необходимости в срочной транспортировке. Заодно понаблюдаю за ним.

Праздничное настроение пропало. Улицы стали серыми и обычными, люди вечно куда-то спешащими и раздраженными; гирлянды в сумке сделались неуместными, как праздничный торт с надписью «С днем рождения» на похоронах.

Я махнула рукой первому попавшемуся такси и поехала домой.

«Он никогда раньше не пил. Не то, что перед тренировкой...»

Дэлл и спиртное – две почти несовместимые вещи. Только изредка, когда мы познакомились, я видела, чтобы он наливал по бокалам вино или что-то крепче – всегда в честь чего-то и в минимальных количествах. У нас даже ассортимент стенного бара в гостиной никогда не обновлялся по причине того, что никто не выпивал содержимое старых бутылок. И тут на тебе...

Да, помнится, мы однажды «напились» в баре, но то была моя идея, и я приложила к этому немало усилий, включая принуждение, ведь нож тогда еще был моим. Этот чертов нож тогда еще вообще существовал.

Как же так?

Дома было тихо. Нездорово тихо, как случается тогда, когда кого-то увозят в больницу. И, наверное, именно поэтому – чтобы чувствовать себя не так тоскливо, – я пошла туда, где располагался максимальный концентрат Дэлловых вещей – в его кабинет.

Уселась в кожаное кресло, зябко поежилась.

«Он вернется вечером, все будет хорошо».

Но отчего-то безвозвратно рухнула надежда на то, что все налаживается. Вчера после нашего разговора я поверила, что теперь все позади, отныне только в гору... Нет, пока с горы.

«Наверное, Стив доложит Начальнику... А тот накажет». Потому и от меня не стал скрывать.

Значит, сильно с горы. И откуда в нашу жизнь явилась эта напасть?

Этот самый фонарик, который, как он сказал, «подарил Рэй», я видела в его руках каждый вечер. Что-то завораживающее было в его пульсирующем свете даже издали, но сама я держала его впервые – нашла возле клавиатуры на столе. И теперь за неимением другого занятия рассматривала.

Старинная, что ли, вещь? Маленький конус, как для мороженого, только сделанный из темного потертого, но все еще жилистого дерева, а сверху насажен тяжелый стеклянный шар. Не совсем шар – скорее, заостренная сфера – стилизация под пламя свечи.

А где он включается?

Удивительно, но светиться «факел» начал тогда, когда я плотно обхватила его ладонью – кнопок не нашла, – загорелся сначала тускло, затем ярче. И полился вовне тот самый странный свет – будто живой. Довольно неприятный, как мне показалось. Свет бился, имел собственный сердечный ритм, завораживал взгляд.

И почему-то очень сильно мне не нравился.

Но, прежде чем выпустить фонарик из руки, я сделала то, что постоянно делал Дэлл – направила луч себе в глаза.

И вздрогнула.

Потому что внутри меня моментально пошатнулась «Халкова» решетка.

Эта чертова вещь как будто попыталась расколоть меня на двое... Возможно, я бы ничего не заметила, но система сигнализации, которую почти случайно установил в мою голову Конрад, сработала безотказно. Я и раньше ее в себе ощущала – эту «решетку стабильности», – но больше, как не причиняющий дискомфорта инородный объект, выполняющий полезную функцию. Если мое настроение грозило съехать на отметку «плохое», что-то внутри головы вздрагивало и самостоятельно перестраивалось. Неприятные мысли сменялись более приятными, внимание переключалось на что-то нейтральное.

То есть «решетка» работала.

Но я еще никогда не чувствовала, чтобы она натужно трещала по швам. Как ржавая арматура, которую пытаются вытащить из земли или хотя бы погнуть.

Луч, направленный в глаза, совершил именно это действие.

«Дэлл смотрел на него каждый вечер. Иногда минут по двадцать-тридцать...»

Моя интуиция – не самая развитая в мире штука, но сейчас она безотказно твердила, что между «факелом» и нынешним поведением Дэлла существовала прямая связь.

Ведь я же знала, что это «не он сам»...

«Факел» мутил разум Дэлла. Раз за разом, вечер за вечером.

Кто его подарил – Рэй?

«Наверное, он об этом не знал...»

Прежде чем отыскать номер Тамарис, с которой мы уже несколько раз общались на совместных встречах[1 - об одной из таких встреч будет написано задним числом – здесь и далее прим. автора.], я сфотографировала фонарик на телефон, а после заперла его в свой собственный маленький сейф, который никто, кроме меня, не мог вскрыть.

Мне повезло – она подтвердила, что Хантер дома.

В такси я продолжала волноваться о последствиях сегодняшнего тренировочного провала. «Если... Нет, КОГДА Дрейк узнает про алкоголь в крови Дэлла, он выдумает новое изощренное наказание. Точно не оставит все, как есть...»

Но если я сумею доказать, что Дэлл стал временно невменяемым из-за сторонней штуки, Дрейку придется отступить. И, возможно, даже помочь.

Хорошо бы.

Эти самые «хорошо бы» я твердила, как мантру, пока не доехала до особняка Хантеров, расположенного в западной части города, в Греин-сайте.

Меня встретили с удивлением, предложили чаю. Но я упорствовала, как робот: спасибо, еды не нужно, чаю не нужно, воды не нужно. Только поговорить. И срочно.

Тами, чтобы не мешать, скрылась в недрах коридора, а мы с Рэем, которого я знала не очень хорошо ввиду того, что он часто в Нордейле отсутствовал, отправились в светлую и просторную кухню. Расположились за пустым блестящим белым столом.

– Чем я могу помочь?

Еще один красивый мужчина отряда. Чуть более заросший – это я о щетине, – но с цепкими и умными зелеными глазами.

«Неужели он мог преподнести подарок, о котором так мало знал?»

– Посмотри... – мне было неудобно обращаться к нему на «ты», но и на «вы» не пристало – друзья, вроде как, – ...на это.

И я протянула ему мобильный, предварительно отыскав нужную фотографию.

– Дэлл сказал, что это прислал ему ты. Недели две-три назад. Я обнаружила, что это довольно странная... штука, – мне было сложно объяснить связано, не вдаваясь в лишние подробности, поэтому я отчаянно терла лоб. – Ты мог бы рассказать мне о ней побольше?

Хантер рассматривал фото долго. Хмурился, касался экрана пальцами, приближал, отдалял, хмурился еще сильнее.

А после изрек:

– Я с удовольствием рассказал бы тебе об этом предмете побольше. Но я ровным счетом ничего о нем не знаю.

Эта долгая секунда, во время которой мы напряженно смотрели друг другу в глаза, могла сделать честь любому драматическому фильму.

– Как же так?

– Как? – Рэй пожал плечами. – Потому что я никогда ее Дэллу не присылал.

Глава 2

Я рылась в мусорной корзине.

Вообще-то, я бы никогда не полезла под стол в кабинете Дэлла перерывать ведро, но полчаса назад позвонил Стив, сообщил, что в семь часов вечера моему суженному предстоит идти к Начальнику в кабинет «на ковер», и тогда под хвост мне попала вожжа.

«Там его сожрут».

Сейчас почти два – до семи еще пять часов. И за эти пять часов я вполне могу или раздобыть доказательства того, что Дэлл оказался невменяем на тренировке не по собственной воле, или хотя бы попытаться их раздобыть. В любом случае, не позже шести я окажусь в Реакторе с «фонариком», а там хоть трава не расти.

Итак, мусорное ведро...

Его выносили не часто, потому что мусор в офисе скапливался медленно – кое-какие порванные документы, утратившие ценность деловые письма, обрывки шпагата. Здесь-то я и рассчитывала найти упаковку от «подарка» мнимого Рэя, чтобы отыскать адрес отправителя.

Что я собиралась делать с адресом? Потом!

И да, плотный картон, все еще хранивший форму небольшой шкатулки, я действительно нашла.

Понятное дело, без адреса – «балда он, что ли, светиться?»

Приклеенный кусочек белой бумаги в виде прямоугольника и напечатанный на принтере текст «От Рэя».

И ни тебе номера дома получателя, вообще ни слова больше.

«Значит, принесли курьером».

Дальше я морщила в раздумьях лоб уже в гостиной.

«Дэлл не усомнился в том, что эта «игрушка» действительно от Рэя по двум причинам: а) в нашей компании действительно существовал Рэй Ханте, и б) он действительно мог прислать подобный подарок, потому как часто бывал в экспедициях».

На нашей последней встрече отряда Тами рассказывала о том, как они с Хантером отыскивали клад со старинными вещами. Даже часть из них вручила девочкам в качестве подарков – колечки, брошки, заколки. У меня тоже лежал ее презент – инкрустированная зелеными камнями маленькая птичка – я собиралась когда-нибудь приколоть ее на пальто или берет. Да и сам Хантер намекал на удивительные находки...

«Потому Дэлл принял коробку».

Однако некий пройдоха использовал имя нашего картографа, чтобы подсунуть подрывнику Комиссии опасную вещицу. Зачем – мечь? Ладно, это дело второе. А первое – узнать, как зовут гада.

Кому звонить – Логану? Нет. Тот не откажет, но сначала примется поднимать данные с камер, выяснять, кем был курьер, затем, где этот курьер сейчас, после, кем был нанят... Хорошо, если бедняга все расскажет сразу, плохо, если его придется «раскалывать». Сама я этого не умею, поэтому придется звонить Маку, например, долго все объяснять... А время – деньги. И потому – своими силами.

Бернарда однажды рассказывала об Информаторах – выпытывала детали у Дрейка. Говорила, что это действительно живущие в параллельном, но

пересекающемся с нашим миром люди, которые «не совсем люди». Вроде как они – сгустки чистой информации, умеющие принимать вполне себе плотный человеческий облик, а доступ к данным имеют, потому что всегда находятся «в каждом существующем моменте сейчас».

Признаюсь, я мало поняла про «сейчас», но много про то, что они непостижимым образом все знают.

И, значит, имя отправителя тоже.

Сокровенную копилку трясти не хотелось, но пришлось. Нет, моя копилка являлась самой обыкновенной банковской карточкой, а не свиньей с пятаками, просто выписана она была на мое имя и деньги туда поступали не Дэлловы, а «личные». Их я зарабатывала, тестируя на быстроту вскрытия магнитные замки, которые мне время от времени присылал старина Чак. Ему как лучшему замочных дел мастеру различные компании постоянно отправляли прототипы новых устройств, и когда Нортону не хватало времени разбираться самому, он пересылал их на меня. Платил по триста баксов за вскрытый замок. Не густо, но личные деньги на то и личные, что пахнут по-другому.

Конечно, потратить их мне хотелось не так – купить на Новый Год всем отличных подарков. Дэллу самый дорогой и красивый (жаль, что я пока еще не придумала, какой), остальным попроще, но тоже душевных. Моих шести тысяч вполне бы на это хватило. Однако чуяло мое сердце, что совсем скоро с банковского счета на меня будут смотреть унылые нули.

«Хорошо, если этого хватит».

Конечно, была и другая кредитка – та, которую выдал Дэлл. На ней всегда лежала внушительная сумма денег, но тратила я эти деньги по большей части на продукты. Редко на одежду или обувь, которая нуждалась в замене, и никогда на красивые «одноразовые» вещи «на выход в свет» – дорогие и по большей части бесполезные. Во-первых, мой ум никогда не разлагался от экстаза при виде красивой шмотки, а во-вторых, эти самые шмотки мне бесконечно слал с показов Саймон, неизвестно с чего решивший, что «замужняя дама» просто обязана покорять своего мужчину уникальными нарядами.

Но сейчас не об этом.

Информаторы. Звонок. Время уходит.

– Добрый день.

В трубке молчали после короткого «Алло». Мы давно уже не искали их номера, знали – достаточно лишь активировать телефон поднятием трубки (или нажатием звездочки), а дальше проси: «Желаю поговорить с Информатором».

Меня внимательно слушали, хоть и не отвечали. И от тишины на том конце почему-то боязно.

Пришлось прочистить горло.

– Скажите, сколько мне будет стоить информация о том, кто именно прислал Дэллу Одриарду посылку «от Рэя» и по какому адресу этот человек проживает?

Что ж, вопрос я задала предельно точно.

И почти не удивилась, когда мне озвучили сумму в пять тысяч девятьсот долларов.

Черт, сволочи. Лишили меня удовольствия покупать в этом году подарки, дочиста вылизали «копилку». Ну, нет, оставили на апельсиновый кофе...

...«с голым задом на лавке»

– Вас устраивает сумма?

Меня? Нет.

Но она устраивала их, и потому пришлось буркнуть:

– Да. Говорите, я записываю.

* * *

И да, я туда поехала. Наверное, очень глупо и совершенно недальновидно, но другого плана в запасе все равно не было.

Я не боец. Но у меня есть телефон с функцией диктофона, которая активируется нажатием двух боковых кнопок (удобно, не нужно доставать сотовый из сумки), а так же Игла – электрошокер, врученный Дэллом в незапамятные времена. К слову, этот шокер мастерил он сам, и потому мощность его была почти в два раза выше обычного.

Так себе набор, но его вполне может хватить, если действовать правильно.

«Правильно – это как?»

«Нужно было прихватить с собой Мака. Или Халка. Или Дэйна... Хоть кого-нибудь...»

Такси несло меня к западной окраине, а я сидела на заднем сиденье с поджатыми губами и думала о том, что давно не испытывала этого чувства – гуляющего по телу страха, смешанного с адреналином. С тех самых пор, как перестала вскрывать замки для Тони. Тогда я точно так же, как сейчас, умела собираться, фокусироваться и «прыгать». Тогда меня некому было спасать, и все же я выживала.

Смогу и сейчас.

Мне предстоит разговор – если хозяин окажется в квартире. Это не смертельно.

Или же обыск – если хозяина в квартире не окажется.

Благо, запертые двери в виде препятствия для меня перестали существовать давным-давно.

Квартира была очень странной – двухкомнатной, расположенной на верхнем этаже четырехэтажного дома. Для того чтобы определить, что внутри никого, я использовала старый, как мир, метод – позвонила в дверь и быстро спустилась на пару лестничных пролетов. Если откроют, бесшумно удалюсь, выйду во двор, продумаю диалог, возможно, прикинусь кем-нибудь. Кем? Пока не знаю...

Но прикидываться не пришлось – никто не открыл.

И тогда замок пришлось «взломать».

Я прикрыла за собой дверь, не запирая – на случай быстрого отхода.

И почти сразу уловила стойкий и тяжелых запах химикатов, расставленных в различных бутылках на столе. Тяжелые портьеры задернуты; огромная, выключенная в этот момент лампа нависала над парой десятков склянок с прозрачными жидкостями, а также над пакетами с порошками.

«Тут живет сумасшедший химик».

Да, точно... Аммиак, селитра, марганец, жидкое топливо – я прекрасно знала эти вещества. Те самые, используемые для изготовления взрывчатки в домашних условиях. «Значит, не химик, а террорист по имени Курт Виннигот» – этим именем назвали отправителя посылки информаторы.

Вот те раз...

Обе комнаты похожи на хлев – захламлены так, что ступать только с осторожностью. В спальне не было кровати, только грязный матрас на полу, на чумазую подушку вообще смотреть не хотелось.

Я вернулась в гостиную. Итак, что я ищу? Все, что смогу найти. Хотя того, что я к этому моменту увидела, было достаточным поводом для того, чтобы пригласить сюда парочку представителей Комиссии. Они бы сочли это зрелище интересным.

Взрывчатка – взрывчаткой (кстати, изготовитель ее не был особенно умен, о чем свидетельствовали многочисленные оплавленные места на столе), но заинтересовало меня другое – книга. Очень старая, если не сказать «древняя», лежащая на тумбе у стены. Я бы прошла мимо нее, но мое внимание зацепил текст на незнакомом языке и еще множество вставленных между страницами закладок, торчащих белыми замусоленными язычками.

Было видно, что этим раритетом хозяин квартиры пользовался часто, о чем свидетельствовала стоящая рядом настольная лампа и придвинутый табурет. Я открыла ее даже не из любопытства, но по привычке ничего не упускать из вида.

И подвисла.

Плотные белые хрустящие страницы, тончайше выполненные рисунки незнакомых предметов, рядом описание на чужой речи – не то руны, не то магические заклинания. В последние я не особенно верила – все же не тот век, да и мир не тот, – но зачастую находились те, кто в чужую магию верил безоговорочно. Похоже, Курт был из числа последних.

«Здесь действительно живет сбрендивший человек».

«Нужно торопиться, – подстегивала я себя, – время на исходе, а я так и не нашла доказательств того, что Виннигот причастен к истории с Дэллом. Хорошо бы отыскать что-то неоспоримое».

И я нашла.

Перелистнула очередную страницу и замерла на вдохе, глядя на искусную книжную иллюстрацию – на меня смотрел тот самый чертов «фонарик».

Так, книгу с собой, других доказательств не нужно...

Я заторопилась на выход, но в этот момент дверь с лестничной площадки толкнули.

И в квартиру вошел тот, встречи с кем я пыталась избежать.

Если раньше мысли о его сумасбродности являлись чем-то эфемерным, то теперь они обрели вещественные доказательства в виде нездорово блестящих глаз и широкой, совершенно неуместной в данных обстоятельствах улыбке.

Курт довольно щерился. Он оказался очень худым и невысоким, в очках, за стеклами которых его глаза казались маленькими. Но взгляд пугал. Несмотря на то, что застукал «вора» в своей квартире, Виннигот не просто не испугался – кажется, обрадовался.

– А кто это у нас тут?

Одной рукой я прижимала к груди книгу, второй судорожно шарила в кармане, включая диктофон. В конце концов, я тоже готовилась к встрече. В моем теле бесновался страх такой силы, что грозил испарить остатки самообладания, но я напряглась – не сейчас. Сейчас нужно выбить пришедшего из колеи, а я для этого лучше использовать правду – ту, к которой он не готов.

– Зачем Вы прислали моему другу... это?

Диктофон уже включен – я распахнула книгу в том месте, которое предварительно заложила пальцем.

Виннигот неторопливо отложил пакеты, которые принес с улицы, и закрыл за собой дверь. Кажется, он был уверен, что уйти мне теперь не удастся.

– Твоему другу? Как интересно...

«Хорошо, что я заранее перевернула кольцо с инициалами», – Курт рассматривал золотой ободок на моем пальце, прищурившись.

Он был из породы людей, начисто потерявших страх, и потому казался мне опасным вдвойне. Такие вечно желают изменить устройство мира, учинить переворот или хотя бы апокалипсис местного масштаба. Им позарез требуется доказать верность собственных пресловутых идей, причем любыми методами.

Маньяк – вот какое слово ему подходило. Передо мной стоял типичный, одержимый скрытой манией величия царек. А царьки имеют одну слабость – они любят о себе говорить.

Он не считал меня опасной (очень на руку), и потому сделал два шага вглубь комнаты, осклабился еще больше, когда почувствовал, что я боюсь, остановился.

– Хочешь узнать про Цэллэ? Почему бы и нет...

Цэллэ – название фонарика?

– Видишь ли, я его просил, по-хорошему просил – мне всего-то требовалось три специфических взрывных устройства с дистанционным управлением. И я много заплатил информаторам, чтобы выяснить данные о лучшем подрывнике Уровней. А он отказал. Вот незадача, да?

Кажется, он до сих пор удивлялся этому отказу – по крайней мере, до сих пор выглядел озадаченным, мол, как можно было мне отказать?

«Да уж. Еще всяким придуркам Дэлл бомбы не мастерил».

– Пришлось отправить ему эту штучку, – Виннигот рассмеялся, – да не смотри ты волком... Прекрасная, между прочим, вещица – жаль, от нее не выздоравливают. Знаешь, сколько я ее на черных рынках искал? Ведь сейчас таких не достать. Хочешь спросить про стоимость?

Мне было плевать на стоимость. В тот момент я жалела, что оставила свой двадцать второй калибр дома – после слов «от нее не выздоравливают» у Курта имелся огромный шанс оказаться трупом уже в следующую секунду.

Но мне приходилось стоять и слушать (может, он ошибается), потому что важный разговор писал диктофон.

– ... дело ведь не в деньгах, она воистину бесценна – продавец так и сказал. Подкинь врагу, подожди пару недель, а потом проси все, что хочешь. И ведь твой дружок теперь не откажет. Знаешь, почему? Потому что Цэллэ разлагает человека изнутри, рушит все эти честные идиотские принципы... Уникальная

вещица, правда?

И он весело, как если бы прострелил чужого и яркого воздушного змея, расхохотался.

«Тварь, ты бы им себе в глаза посветил».

Наверное, доброй я не выглядела. Да и данных на диктофоне уже достаточно.

Изменение в моем настроении он почуял. И потому шагнул вперед, дернул меня за руку, насильно разжал пальцы. И удовлетворенно кивнул, когда разглядел символику Дэлла Одриарда на кольце.

– Какая птичка к нам залетела: не подружка – жена! Я рад! Знаешь, а ведь скажи я ему, что ты у меня, ждать больше не придется – выполнит все мои заказы, как миленький...

«Да ты бы полег под невидимым взглядом Аллертона уже через час», но я не стала сотрясать воздух словами. Бесстрашные идиоты замечательны верой в собственную неуязвимость, вот только эта «вера» в данную минуту стала помощником мне, а не ему.

Руку свою из чужих пальцев я выдернула так, будто ее жгло.

А после моментально приставила к чужому телу «Иглу» – тело Курта Виннигота затряслось, как сломанная надувная кукла; запахло жженой плотью.

Прежде чем прыгнуть в такси, я пробежала добрый квартал – все боялась, что за мной гонятся.

«Кто гонится-то?!»

Но паника взяла свое – она не позволяла здравому смыслу включиться, а ведь, когда Виннигот рухнул на пол, я проверила его пульс – прослушивался, а после по зрачкам убедилась, что он в глубокой отключке.

И все равно семенила почти бегом, то и дело оборачиваясь.

Диктофон со мной, книга со мной; времени, чтобы добраться до Дрейка, достаточно.

В желтую машину с шашечками на борту я впрыгнула шумно и нервно. Тут же скомандовала:

– В Реактор!

И разозлилась, когда в салоне повисла долгая тишина, – машина не двигалась с места.

– Почему стоим?

Таксист, довольно молодой парень, похожий на студента, интеллигентно прочистил горло.

– Простите, Вы не могли бы назвать адрес?

А? Черт... Здание Комиссии невидимо для обычных жителей, и уж тем более они не называют его «Реактором».

Я комкано извинилась. А после продиктовала название улицы и номер дома, от которого до офиса Комиссии пешком всего двести пятьдесят метров.

Машина вывернула от обочины.

* * *

(Jesse Cook – Wisdom of a Thousand Years)

«... Пришлось отправить ему эту штучку. Да не смотри ты волком... Прекрасная, между прочим, вещица – жаль, от нее не выздоравливают. Знаешь, сколько я ее

на черных рынках искал? Ведь сейчас таких не достать...»

До этой фразы Дрейк слушал диктофонную запись молча – пристально смотрел на мой телефон, откуда глухо, но разборчиво доносился голос Виннигота, – а после вдруг ударил по столу кулаком так сильно и резко, что на металлической поверхности образовалась внушительная вмятина.

Я подпрыгнула на стуле и внутренне содрогнулась. Вновь тошнило от смысла слов «от нее не выздоравливают», но еще больше пугал флер, который теперь исходил от человека в серебристой форме.

– Я думал, мы заткнули все дыры. Ан-нет, пара черных рынков сохранилась.

Дальше он слушал, разглядывая «фонарик», за которым мне пришлось вернуться уже почти от Реактора – в такси вспомнила, что забыла взять его с собой.

– Дерьмовая штука, – покачалась голова и поджалась губы. Дрейк хмыкнул и посмотрел взглядом, который распластал меня по стене, как колесо дорожного катка. – Как ты сумела избежать ее воздействия?

Он и сейчас держал его в руках, время от времени рассматривая тот самый противный живой луч, на который я косилась с крайней опаской. Всякий раз, стоило хоть самому мелкому фотону достигнуть сетчатки моих глаз, натужно дребезжала «решетка».

– Мне Халк помог.

– Халк?

– Случайно. Он как-то был у нас в гостях, понял, что мое... эмоциональное состояние оставляет желать лучшего, предложить установить некий «каркас стабильности».

– Вовремя.

Начальник никогда не был «легким» человеком, но теперь он и вовсе ощущался свинцовым облаком. Сидел молча, размышлял – запись кончилась, и думы на его лице отражались напряженные.

– Забавно было бы, покажи ты Рэю не фото с телефона, но Цэллэ.

Противное слово.

«И он тоже сошел бы с ума?» И я, наверное. Если бы ни Халк...

Тишина все длилась, длилась и длилась – Дрейк будто оказался в другом измерении, где время не идет, а мне было все дискомфортнее. Подтачивали мысли о том, что на том самом рынке могли найтись еще несколько таких Цэллэ – кому в руки (глаза) попадут они?

– Этот Виннигот ведь расскажет Вам, где взял ее?

Прерывать мысли Дрейка – не самая лучшая идея, но фраза просто сорвалась с языка. Нервы.

– Виннигот мертв, – донеслось в ответ.

– Что?

– Ты убила его.

– Я?... Я его не убивала!

И опять эти глаза – два листа холодного металла.

– Думаешь, я не отправил запрос привести его сразу же, как только ты назвала имя? Отправил. Мои люди использовали быстрый портал – мгновенный путь до указанного адреса, – но его тело уже начало остывать...

– Как же так? Я ведь проверила пульс...

Мой голос внезапно охрип – я убила этого человека? Я не хотела, Создатель свидетель, только убрала его с дороги, чтобы выйти из квартиры.

– Пульс-то ты проверила, да. Он бился еще примерно минуту, потому что твоя «Игла» повредила чип в кардиостимуляторе.

И тогда все мои слова кончились, как и мысли. Черт... я не знала... Кто бы мог подумать? Операция на сердце...

– Меня накажут?

Кажется, я встряла еще быстрее Дэлла – знала же, что не нужно туда идти самой. Погеройствовала.

Смешно, если ссылка на этот раз предстоит мне – Дрейк, конечно, по-человечески меня поймет, но он любит демонстрировать остальным, что закон преступать нельзя.

Наверное, я сильно побледнела, потому что Начальник смягчился.

– Нет, тебя не накажут. Во-первых, ты действовала с целью самозащиты, во-вторых, пыталась спасти мне сотрудника, а я, знаешь ли, не люблю их терять.

Гора с плеч. Всего за несколько секунд с меня сошло семь потов; до сих пор ходуном ходило в груди испуганное сердце.

– Я не хотела...

– Я знаю. Рынки мы все равно найдем – люди уже работают, – но у нас теперь другая проблема – Дэлл.

И Дрейк неприязненно взглянул на фонарик.

– Это... лечится?

Вот и задала самый страшный вопрос, не удержалась.

– Само? Нет.

Чтобы получить хоть какие-то пояснения, я была готова ждать час-два-три. Лишь бы Дрейк что-нибудь придумал, лишь бы отыскал выход.

– Видишь ли, – донеслось глухо, – это очень древняя Урмонская магия, ворожба – как они сами ее называют. Для того чтобы изготовить такой «фонарик», используется страдающий дух умирающего человека...

Ужас какой.

– Урмоны – это в другом мире?

– Да. Я заткнул все дырки, ведущие оттуда, очень давно – терпеть не могу такую дрянь на Уровнях, – но пара их «подарков» здесь осталась. К сожалению. А к сожалению, потому что Урмоны – очень злой и умелый в темном колдовстве народ, – недобрая усмешка. – Не повезет этому продавцу, ведь он, как ты видишь, не просто продал Цэллэ, но так же инструкцию к ней. И еще предупредил Виннигота о том, чтобы тот ни в коем случае не включал «фонарик» сам.

– Но ее же не прочитать?

– Все можно прочитать при желании. Особенно, если уметь входить в транс. Или заплатить информаторам за прочтение определенной главы. Кстати, адрес Виннигота ты получила у них же?

– Да.

– Мы возместим убытки. И кстати, ты молодец, что заметила неладное, – обычно Цэллэ работает очень тихо и постепенно – медленно и болезненно раскалывает человеческую личность на части. Очень неприятный процесс. Ощущается так, как будто в тебе стало два «я», и ты больше не знаешь, какой из них настоящий...

«Вот почему Дэлл начал казаться чужим. Не он – но дух... И Тайра...»

Да, Тайра умница. Жаль, что я забила тревогу слишком поздно.

А взгляд Дрейка казался двумя бритвенными лезвиями. Меня прошибал озноб, когда я думала о том, что чья-то жизнь сегодня – того самого продавца с рынка – круто изменится в худшую сторону. Возможно, прервется. Вот такой вот он – наш Бог. Не бородатый дедушка на облаке, но спокойный внешне мужчина без возраста, которому стоит лишь щелкнуть пальцами. Не щелкнуть даже – подумать...

– Скажите, но это хоть как-нибудь... лечится?

– Я должен подумать. Ты говоришь, Дэлл часто пьет?

– Часто.

– Так он пытается расслабиться, заглушить незнакомые эмоции. Но не понимает, что расслабляться ему сейчас нельзя – процесс ускоряется. Чем счастливее человек, кстати, тем легче он поддается воздействию Цэллэ, а Дэлл в последнее время был счастлив.

«Я тоже».

– Значит... ему нужно напрячься?

– Верно.

– Выкинуть из дома всю выпивку?

– Не поможет.

В этот момент дверь в кабинет Дрейка приоткрылась и в нее заглянул тот, о ком мы только что говорили. Увидев меня, напрягся, а Дрейк коротко и жестко бросил:

– Закрой с той стороны!

Дверь тут же захлопнулась.

«Мы просидели здесь до семи? Или он пришел раньше?» Сложно определить ход часов в месте, где нет ни циферблатов, ни окон.

– В общем, так, – подвел итог Начальник. – Не говори ему пока ни слова, ясно?

– Да.

– А мне надо подумать.

– Конечно...

Я хотела спросить: «Вы ведь дадите мне знать?», – и сразу же уловила ответ еще в воздухе: «Дам». И еще то, что «думать» нам теперь придется тяжело и много.

Кабинет Дрейк покинул первым, на стоящего в коридоре Дэлла даже не взглянул. Бросил: «Свободны оба» – и зашагал прочь.

* * *

(Анна Плетнёва «Винтаж» – Балерина)

– С каких пор ты...

Таким тоном со мной давно не разговаривали – неприязненным, сухим и хлестким. И я знала, что именно он хотел сказать «стелешься за меня перед Начальником?»

Сидящий рядом Дэлл был цел, трезв и зол, как алкоголик, которого принудительно «промыли». Наверное, он готовился к худшему, дергался... Да еще это Цэллэ.

Я молчала. Мы сидели в неофаре, собирались ехать домой. Давно стемнело; горели по периметру парковки фонари, блестел под ними снег.

Что я могу сказать? Что я за него «не лезла?» Лезла. И даже не имела права объяснить, почему.

– Думаешь, я сам за себя уже не способен постоять? Что я настолько морально разложился, что не готов отвечать за свои ошибки?

«Не за свои. А этого придурка – Виннигота».

Я смотрела в сторону – шишки летели точно мне в лоб; с натужным скрипом раз в полминуты проезжались по ветровому стеклу щетки, равнодушно сметали налипшие снежинки.

– Знаешь, не ожидал от тебя – вперед меня побежала. Не нужна мне такая помощь, поняла? Я сам.

Конечно, сам.

Приходилось напоминать себе, что я разговариваю не с Дэллом, но с кем-то еще. И у этого кого-то сегодня был тяжелый день – сначала рана на тренировке, затем лечение. Неизвестно, сколько боли он пережил и сколько еще приготовился пережить.

– Поехали домой, – попросила тихо.

Сбоку невесело хмыкнули. Ему было тяжело, ему было плохо, я чувствовала, а помочь не умела.

– Все хорошо, – прошептала, глядя перед собой. Если не сейчас, то все равно когда-нибудь будет.

– Сколько терпения. Ах, да, ты ведь считаешь меня больным, а с больными принято возиться.

Я заиндевила и окончательно замкнулась в себе.

Заскрипели по снегу шины, когда машина тронулась. Больше мы не говорили. И я знала, что никакие его слова сейчас не должны меня царапать, но они царапнули.

* * *

(Sia – I'm alive)

Более других мне в нашей кухне нравилось место напротив окна – туда можно было придвинуть стул, водрузить на стол чашку горячего чая и смотреть, как снаружи неслышно опускается снег.

Вот и теперь.

Снега в этом году было столько, что снегоуборочная техника работала круглосуточно. Спрашивается – зачем? Комиссии стоило только чихнуть, и снега бы выпадало ровно столько, чтобы не вяз транспорт, но их то ли не заботили выходы раскрепощенной на самоуправство красавицы-погоды, то ли нравилось слушать скрежет ковшей ночами по мерзлому асфальту.

К слову сказать, этим вечером я быстро сообразила, что одним только чаем мне не обойтись – поднялась, достала из шкафа вино, вытащила штопором пробку, плеснула в бокал, уселась на место. Помощь Халка, конечно, бесценна, но сегодня одной только «решетки» мне не хватало – нервы расшатались до критичной отметки...

Вошел в кухню Дэлл, не проронил ни слова, приготовил себе кофе, вышел.

Тихо.

И я вдруг ощутила себя, как когда-то – чужой. Как в те самые дни, когда шантажом заполучила его кольцо, и хозяин дома только и делал, что ждал, когда же я выметусь наружу.

Незаметно подкралась и обняла грусть.

Когда-то давно он, выпив, признался мне в том, что в прошлом совершил ошибку – точнее, ряд ошибок, приведших к плачевному результату, который после пришлось исправлять Бернарде[2 - Эти события описаны в книге «Дэлл»]. Он думал, что я не помню, потому никогда не вдавался в подробности. Но я помнила. Обе ветки – и ту, где, растеряв все силы на безответную любовь, я дожидалась прихода Баала, и ту, где этого никогда не случилось. Бернарда, конечно, старалась повернуть время вспять, и она сумела сделать главное – дать нам второй шанс, – но она все-таки не Дрейк, и моя память не заменилась, как ей следовало бы.

Ничего, шрамы заросли.

А теперь вот снова ныло сердце, как в те дни, когда в этом доме я была последней, кого желали видеть.

Ту полосу мы пережили – переживем и эту.

Конечно.

Только пока тошно, и я пила. Потому что не хотела никого убивать – это противно быть виновником чьей-то смерти, противно, когда тебе высказывают почем зря, противно не уметь ничего объяснить и исправить.

Какое-то время я сидела без мыслей, ощущала, как меня вновь держит «решетка». Халк умница, молодец, наверное, Шерин с ним очень легко. А если тяжело, он всегда может поставить ей такой же «каркас стабильности», – подумав об этом, я пьяно хмыкнула; заканчивался второй бокал.

Однажды он уже мне очень помог – наш сенсор. Помнится, в одну из вечеринок я призналась ему в том, что мне одиноко без старых друзей с Тринадцатого, которых я не забыла – не забыла, впрочем закономерно: оказывается, все, кто «якшался» с отрядом, автоматически приобретали расширенную память – так было нужно.

Но мои друзья забыли меня.

После того вечера Халк, ни слова мне не говоря, самостоятельно вычислил, что и Чак, и Саймон, уже успешно обосновались на Четырнадцатом, а после «случайно» попался им на пути – взглянул в глаза – одному в очереди в супермаркете, второму в баре, – и они мне позвонили с разницей в несколько дней. Саймону потребовалось больше времени, чтобы отыскать телефонную базу.

Моей радости не было предела. Наш сенсор «заставил» их обо мне вспомнить – аккуратно и ненавязчиво. А вместе с воспоминаниями о рыжей Меган им вспомнились и их бывшие профессии; издержки «производства» – после усмехался Конрад. Так или иначе, Саймон снова шил наряды и слал их мне, а Нортон успешно чинил и тестировал замки – куда более прибыльно, нежели на Тринадцатом.

А у меня снова были старинные друзья.

Вот только земля вновь неустойчиво юлила под подошвами и ежесекундно грозила из-под них выскользнуть.

Надо поспать – решила я, когда осушила половину третьего бокала. Алкоголь сделал свое дело – тяжелые эмоции отступили, – зато вокруг начали плавать стены.

«Перебрала».

До спальни на втором этаже я добралась, всего два раза споткнувшись.

Свет не горел – Дэлл уже спал, устал. Я осторожно, стараясь не шуршать одеждой, разделась, забралась под одеяло.

И тут же почувствовала, как меня притянула к себе горячая рук, а – жест, который он совершил, не проснувшись.

Я растрогалась до слез. И земля временно вернулась под ноги.

* * *

Телефон на тумбе вибрировал и оттого ездил по поверхности. Я спросонья подумала – мой, – но Дэлл уже потянулся за своим. Около пяти утра; темень непроглядная.

– Да... Слушаю.

Его вызывали в штаб – где-то случилось неладное. Мне он объяснил мало – мол, собирают всех срочно, а ты спи.

Я едва не выкрикнула – ну, куда ты пойдешь в таком состоянии? Но вовремя прикусила язык. Если Дрейк решил, что Дэлл обязан участвовать в боевых действиях, несмотря на «недуг», то кто я такая, чтобы спорить?

Спорить, однако, хотелось.

И беспокойно задремать после того, как внизу захлопнулась дверь, мне удалось лишь спустя пятьдесят долгих минут, во время которых я вздыхала и переворачивалась с боку на бок.

* * *

(Veigar Margeirsson – Mythical Hero)

Конференцию в «Лайне» мы организовали в полдень – отрядные девчонки всегда так делали. Когда «наших» вызывали посреди ночи в Реактор, мы звонили друг другу, собирались и складывали по частям всю разрозненную информацию, которая имелась у нас в наличии – это помогало понять общую картину.

– Кто знает, куда вызвали? – спросила Ани-Ра из окошка, которое располагалось на экране моего ноутбука в правом верхнем углу.

– На Тринадцатый вроде, – пояснила Лайза из левого нижнего, поджав губы. – А всех забрали?

- Дэйна - да.

- Рена - да.

- Халка тоже.

- Стив ушел.

- Дэлла - да, - кивнула я, когда остальные отозвались.

Оказалось, что на Тринадцатый, в некий Мирстон, стянули всех без исключения, включая Эвертона, Хантера и Бойда. Значит - дело дрянь, и, значит, надолго.

«Как же так, - переживала я, - ведь он болеет. А его на передовую...»

И совершенно не помогали мысли о том, что Дрейк умнее меня.

Окончательно понять происходящее помогла Бернарда, которая успела потряхнуть Начальника на предмет информации этим утром, - сказала, что в Мирстоне прозвучал взрыв, сработала заложенная в офисном здании бомба. И, вроде как, нашли еще множество устройств - нашим предстояло обезвредить, отыскать концы, кого-то зачистить, кого-то доставить в Реактор.

- Ясно, - качнула головой Ани, - булки сегодня не пеку.

- Придется заняться уборкой.

- Обед то ли готовить, то ли нет...

Мы всегда переживали за них, хоть и заталкивали это чувство туда, откуда оно не мешало жить. Боялись, что кого-то ранят, покалечат - о самом дурном не хотелось и думать. И потому искали себе отвлекающие занятия. А после радовались возвращению любимых, как радуются пришедшим с затяжной войны. И пусть наши «войны» были короткими, они все равно заставляли нас нервничать, а после - при новой встрече - ощущать мир ярким, целым и опять радостным. Нет, нашим отношениям не грозила пресность - не та профессия у мужчин.

«Отбой» я нажала одной из последних – слушала чужие обсуждения, пыталась отвлечься. Когда последняя из оставшихся – Тайра – сказала «пока», я выключила «Лайн» и целую минуту кусала губы. Чем заняться, чтобы унять ненужное волнение?

Ах, да, вчера Чак прислал два новых замка – вот ими и займусь.

Но я не дошла до кабинета – в кармане ожил сотовый.

– Собирайся, – не здороваясь, приказал голос Дрейка, – снаружи тебя ждет машина. Увидимся в Реакторе.

Вот и «починили» мы новые замки.

Еще один зимний день, состоящий из всех оттенков белого и серого – белое внизу, серое наверху. Облака такие же низкие и тяжелые, как мое настроение; на сердце камень. Водитель за рулем неразговорчивый, как мраморный атлант, окаменевший еще пару тысяч лет назад – разве что глаза внимательные, живые.

«Хорошо бы, если бы Дрейк сказал, что все отлично, и он нашел решение. Все оказалось просто...»

Только Дрейк так не скажет. Если бы все просто, он бы даже не звонил – просто «починил бы Дэллу», а после сообщил об этом «задним числом».

Нет, шестым чувством я знала, все гораздо сложнее, чем и мне, и ему казалось с самого начала. Осталось только выяснить, насколько.

* * *

(Cristina Aguilera – Hurt)

Этот кабинет успел опостылеть мне еще вчера. Нет бы мы прошли туда, где высокие окна, пара мягких кресел, стакан чистой воды или сока на столе, ободряющие тона стен. Так нет же – здесь все для максимальной концентрации, чтобы лишнее не отвлекало.

«Угу, пустотой тюремной камеры давило на голову».

В этом смысле я их не понимала – Комиссионеров. Если есть у вас возможность обеспечить себя максимальным комфортом, почему не сделать? Я и сама успела пожить в нищенских условиях с минимальными удобствами, но так и не нашла прелести в подобном существовании. Хотя, они не люди, а я мыслю как человек – есть ли смысл сравнивать?

– У меня было время ночью, я тут посидел, порассматривал эту штуку – выяснил, что «наша» материя и их сильно отличаются. Очень сильно, я бы сказал. Я это к тому, что воздействовать на психику Дэллы самостоятельно я не возьмусь, – велик риск нежелательных последствий: как только я касаюсь этого «духа», он моментально становится агрессивным и очень разрушительным. Собственно, как любой, кто хочет выжить...

«Он что, всю ночь не спал, рассматривал Цэллэ? Нет, еще командовал «войсками» в Мирстоне». Вот уж у кого сорок восемь часов в сутках.

– Ты меня слушаешь?

Я слушала. Только слышать не особенно желала – мне бы пару приятных новостей, а не очередное объяснение о том, что ничего не получается. На деле мне просто было страшно. И потому я спросила прямо:

– А хорошие новости есть?

– Есть, – отозвался Начальник, но глаза его оставались холодными, как у инопланетного питона. – Вы – люди – очень эмоциональны, и это может сыграть нам на руку.

Я не стала открывать рот – знала, что он продолжит. Если Дрейк начал тему «вы – люди», то, скорее всего, что-то пояснит. Так и случилось.

– Если бы вы понимали, как именно управлять эмоциями, Цэллэ не имело бы возможности причинить вам никакого вреда, но вы не умеете. До сих пор думаете, что эмоции управляют вами. Все равно, что самолет, который верит, что кнопки на приборной панели нажимаются самопроизвольно или по велению некоей «судьбы».

На этот раз пауза длилась дольше и под взглядом серо-голубых глаз я ощущала себя, как низшая форма жизни, – тот самый придурковатый самолет.

– А в чем же заключается хорошая новость?

– В том, что достигая критической отметки боли, вы умеете активировать все заложенные в вас изначально ресурсы.

– Простите, не понимаю. Можете пояснить... попроще?

– Куда уж проще... – Дрейк не то вздохнул, не то хмыкнул. – Давай совсем просто: если Дэллу причинить достаточное количество боли, он задействует внутренний резерв, соберется воедино со своим «Я» – ах, да, ты же просила «попроще»... в общем, моментально исцелится.

– Достаточное количество... боли?

– Да, боли.

Я, кажется, оступела. Точно, он же еще вчера говорил об этом, только я ввиду волнений сосредотачивалась на другом.

– Значит, его придется... резать? Или бить током? Пытать?

Думать об этом – все равно, что пытаться проглотить ком навоза – страшно, противно и тошнит.

– Если бы все было так просто, то Дэлл бы исцелился еще вчера после травмы, полученной на тренировке. Там он достаточно сильно пропорол себе грудную клетку.

Мне сделалось совсем дурно – не зря Лагерфельд умолчал о подробностях.

– Но вы же сказали про боль...

– Да. Но не про физическую – эмоциональную.

– Значит, Дэллу нужно причинить эмоциональную боль?

– Начинаешь соображать, – Дрейк даже обрадовался. Настолько, насколько можно обрадоваться в подобной ситуации.

– Итак, давай думать вместе, – теперь он сидел по обратную сторону стола, как экзаменатор, и пальцы его рук стояли треугольным «домиком». – Кто способен причинить нам наибольшую боль?

«Нам» – понятное дело, не Комиссионерам.

– Люди, которых мы любим, – отозвалась я глухо.

– А кого любит Дэлл?

– Меня.

Ежу понятно. А на сердце все мрачнее от дурных предчувствий.

– Молодец. Значит, основную роль в его «выздоровлении» придется исполнить тебе.

Кажется, я проходила этот экзамен на «отлично», вот только радости совершенно не ощущала. Все-таки лучше бы этим утром Дрейк просто сообщил: «Я нашел выход, и уже все хорошо». Но мне не повезло.

– Я должна сделать ему больно?

– Да, должна.

– Как именно?

В эту сторону мои мысли отказывались двигаться, напоминая проржавевший тепловоз – мне бы впасть в кому... На этот раз интуиция меня не подвела – точнее, она никогда не подводила, просто в этот раз я отлично почувствовала, что лучше в кому, чем слушать то, что предложит Дрейк:

– Лучше всего действует в этом плане на человека смерть.

– Я должна умереть?

У меня пересохло в горле.

«Умереть?» И почему-то страшил не сам процесс, но то, что случится с Дэллом после.

– Понятное дело, не по-настоящему, – утешил сидящий напротив человек, – мы все инсценируем.

Инсценируют всё? Как меня, например, разорвет бомбой? Они предоставят Дэллу мои останки, он их даже опознает – возможности Комиссии воистину безграничны. Меня будут хоронить всем отрядом – девчонки в черном со слезами на лицах, мужчины каменные, как изваяния – держись, друг... А я бы удержалась? Если бы Дэлла мне принесли по частям в «коробке»? Наверное, я бы пережила похороны, венки и пожатия чужих пальцев. Но не дальше.

И потому сейчас не могла даже говорить.

– Так я и думал, – Начальник, кажется, смотрел по моему лицу скучнейший и предсказуемый фильм. – Не нравится?

Не нравится? Я не смогу так. Не смогу... Даже зная, что все «для пользы», для выздоровления. Но меня бы это убило.

Начальник мрачнел все больше с каждой секундой.

– Знаешь, я почему-то предполагал такую твою реакцию.

Я сидела, бледная и немая, как моль.

– Ладно, – согласился со скрипом, – тогда другой вариант: измена. Она бьет почти так же сильно, как смерть.

Измена – лучше. То была совершенно идиотская мысль, но после вереницы тех кадров, которые только что пронеслись в моей голове, она принесла иррациональное облегчение. Если бы Дэлл мне изменил, мое сердце осталось бы «покалеченным», но ум бы тешился надеждой на то, что он – тот, кого я люблю, – счастлив. Не со мной, так с кем-то. Таким образом можно, если ни жить, то существовать.

– Ты же понимаешь, что это временно? Что после я собственноручно расскажу ему, в какую «игру» нам пришлось играть? И отбелю тебя полностью в его глазах. Понимаешь?

– Да, понимаю.

Но так же я понимала другое – после этого нам очень долго придется возвращаться к счастливой жизни. Если это будет вообще возможно.

– Меган, не драматизируй! – Дрейк начал злиться. – Все ваши шрамы зализжут специалисты по вмешательству в память.

«Все, да не все». Иногда память ведет себя прихотливо – я об этом знала.

– В конце концов, ты хочешь, чтобы он выжил?!

Этот вопрос мне задали с таким лицом, что я поняла: приговор уже подписан.

Мне все никак не удавалось впустить это в голову – «мне придется изменить Дэллу?». И пусть я буду знать, что все «понарошку», а он? Через что ему придется пройти?

– Меланхолия потом! – приказали жестко.

Да, мы еще не обговорили детали.

– Что? С его другом? – спросила я, охрипнув. – Ведь нужно как больнее...

С Реном? С Маком? Чтобы потом Лайза сошла с ума от горя? Она не рухнет внешне, но внутренне...

– Не нужно. Я найду стороннего человека. Сам.

Хоть капля облегчения в океане этого безумия.

«Хорошо, что не с Маком...»

Решетка Халка сейчас работала, как анестетик, – кажется, она обезболила мои мозги до предела и теперь пыталась нажать кнопку «Выкл». Но в комнате сидел Дрейк, и его взгляд питал даже то, что выключено.

– Дэлл... должен будет... застать нас... в спальне?

Я говорила об этом, как о чужом сценарии, в который мне не придется вникать. Ощущение, что это случится со мной, вероятно, нахлынет позже.

– Можно не в спальне. Создатель, какие же вы... нежные.

Кажется, у него зубы ломило при виде моей зависимости от эмоций.

– Ладно, – рыкнул он, наконец, – фотографии. Мы просто вышлем ему фото, на которых ты с другим. Но смягчать дальше не имеет смысла, поняла?

Я кивнула.

Итак, человека он найдет, фотографа тоже. Вот только смогу ли я убедительно сыграть женщину, которая любит другого? Или же легко и беззаботно предается чужим ласкам? Тут мне точно нужна будет таблетка «экстази» или очередная

помощь Халка...

- Никто не должен знать!

Я и забыла, что мое лицо – открытая книга.

- Никто. От этого зависит правдоподобность «игры». Если Дэлл или кто-то другой не поверит – все зря.

Ну да, конечно – все должны поверить, что я – предатель.

- Конечно...

Перед уходом я проиграла последний бой – спросила: «А нельзя ли просто кого-нибудь отправить в тот мир, где готовили Цэллэ? За противоядием...»

И получила по полной. О том, что на Дрейке, как и на других представителях Комиссии, держится столько, сколько я не представляю, что свободных людей в отряде нет, потому что «Мирстон» (и неизвестно сколько это продлится), что времени в обрез...

Ну да, мне Дэлла «предать» быстрее.

- И не вздумай привлекать к этому Бернарду, – напоследок выстрелили мне злой фразой в спину.

«Бернарду?»

При чем здесь Бернарда?

Кажется, Дрейк видел мои мысли наперед – о том, что, может, она, могла бы прыгнуть туда, где есть еще один такой Цэллэ, а оттуда в мир, где его делали...

Да, я могла о чем-то подобном подумать.

Но мне только что засадили болт в позвоночник, надели невидимые наручники на руки и отправили прочь, сообщив, что, как только фотограф будет готов, мне позвонят.

* * *

Мне отчаянно хотелось излить кому-нибудь душу. Бывают такие моменты, когда попросту необходимо, чтобы рядом был тот, в чье плечо можно уткнуться и завывать, размазывая тушь по щекам, что «они – уроды, что жизнь несправедлива, что я так больше не могу...»

Могу или нет – меня не спрашивали.

А вот общаться с друзьями запретили. Точнее, я все еще могла с ними говорить на сторонние темы, но в чем смысл жаловаться на погоду, когда хочется о сокровенном? Да и стоит ли, если скоро у меня не будет друзей? Снова только Чак и Саймон, но к ним с этим не пойдешь...

Понимая, что попала в ловушку (не думать не могу, думать не хочу), я вернулась домой и сразу же отправилась в ванную комнату – туда, где находилась аптечка.

Одна таблетка Дитрина-М и пара глотков спиртного – убойное химическое сочетание, погружающее человека в беспробудный сон на сутки – именно то, что сейчас нужно. Хуже, чем кома, но лучше, чем похожее на пытку бодрствование. Дэлл вернется не скоро, Дрейк, если нужно, разбудит, а мой собственный мозг – пока худший враг.

Бросая в стакан таблетку, я наблюдала за тем, как дрожат мои руки – кто научил меня этому трюку со сном? Кто-то из прошлой жизни, где, вероятно, было еще хуже, чем в сегодняшнем дне. Главное успеть отключиться, не задавшись вопросом о том, действительно ли я собираюсь вляпаться в худший в жизни план.

Вино я вливала в глотку, закашливаясь.

А после, ощущая странный холод в конечностях, поднялась наверх, наспех разделась и нырнула под одеяло. Мобильник положила рядом на тумбу – будет

звонить, я не услышу.

Все, меня нет.

* * *

К ночи мой сон сделался менее плотным, более беспокойным.

Кажется, приходил Дэлл – кто-то качал своим весом кровать и тянул на себя одеяло. А после обнимал.

Просто снилось? Я так и не узнала, потому что не вынырнула из дремы.

А утром обнаружила, что нахожусь одна. И что на тумбе давно, судя по количеству пропущенных вызовов, звонит мобильник.

– Алло?

Хорошо, что я успела ответить до того, как Начальник решил объявиться здесь собственной персоной, используя портал.

* * *

(Linkin Park – Waiting For The End)

Просторная квартира – новая, с модным дизайнерским интерьером и зверски огромной кроватью в спальне. Мои волосы от взгляда на нее стояли дыбом. Как и от факта того, что меня зачем-то профессионально гримировали, поили казенным кофе и вообще готовили к «выходу», как модель на подиум.

Апартаменты запружены народом: косметолог, стилист, уборщица, несколько представителей Комиссии во главе с Дрейком, кто-то незнакомый – не то фотограф, не то осветитель (хотя фототехники я пока так и не увидела) – на последнего я старалась смотреть, как можно меньше – вдруг это он?

Меня в восьмой раз причесывали; хотелось выть в голос. Зачем этот маскарад? Казалось, что с минуты на минуту начнется съемка очередной серии порнофильма. И скорее бы уже все закончилось...

Но настоящая оторопь меня взяла, когда состоялось знакомство с моим новым «любовником» – им оказался высокий, очень крепкий мужчина-шатен с красивыми голубыми глазами и очень жестким, хищным лицом. Его мне представил сам Дрейк:

– Меган, знакомься, это Кайд, уровень Семнадцать, отряд Макса Кардо.

Бернарда рассказывала нам когда-то, что, начиная с пятнадцатого и по двадцать пятый включительно, уровни контролировал другой «спецотряд» – довольно малочисленный. Вот, как говорится, и встретились.

– Кайд, дотронься до Меган, – жестко скомандовали человеку, одетому в плащ поверх темной, очень тонкой водолазки, и тот моментально протянул ко мне руку. Результатом стал мой инстинктивный шаг назад. Прямо в руки незнакомца представителя Комиссии.

– Так я и думал, – недовольно покачал головой Дрейк. – Кайд, выпей кофе, мы поработаем. Крэм?

Это уже другому своему помощнику.

– Заблокируй ей воспоминания о Дэлле...

Тому, кто стоял сзади, пришлось меня держать силой, потому что в этот момент я начала брыкаться. Ровно до того момента, пока Начальник не рыкнул: «Всего на час!»

И глаза того, кто подошел и встал напротив, полыхнули белым.

Он сделал все болезненно, не как Халк, а когда закончил (я поняла это лишь потому, что держащие меня руки разжались), мир еще пару минут оставался

алым.

Изверги...

– Приходи в себя, – посоветовал Дрейк мне, пытающейся нащупать ближайшую опору, а после, вероятно, тоже удалился пить кофе.

Я сидела на полу у стены.

Тут на меня не наступали, не окликали и не дергали.

И впервые за долгое время, несмотря на временную слепоту, я ощущала себя странно – я была просто Меган. Не чья-то, сама своя, сама для себя. Мои воспоминания не тормозили мысли о том, что в жизни есть кто-то важный – важнее меня. Мое сердце билось ровно, и это не имело отношения к пульсу – так, как сейчас, я не чувствовала себя давно. Вроде бы центром собственной Вселенной, и в то же время немного непривычно, пусто.

А после, когда мир начал приобретать знакомые очертания, кто-то подошел и протянул мне руку, помогая встать.

– Ты в порядке?

Кайд.

То, как он произнес эту фразу, заставило меня размякнуть; одновременно с его словами нас окружил невидимый, но непроницаемый купол, отгородивший нас от мира.

«Ты в порядке?» – просто слова, но сказанные так, будто он тысячами ищет меня одну, тратя на эту единственную задачу столетие за столетием. Шел через горы, сражался в битвах за мою честь, оставлял за спиной замки, покидал одну вселенную за другой. И вот мы встретились – он и я, части одного целого, каждую жизнь ищущие только друг друга.

Тогда я не заметила ни того, что это гипноз, ни слов Дрейка: «Отлично, начали! Добавляй нежности».

Он смотрел на меня, как на самого дорогого человека в мире. Такому не говорят даже «люблю», ради него просто живут и дышат. И на меня никто до этого так не смотрел.

– Все будет хорошо.

Прошептал этот незнакомый и одновременно очень знакомый мужчина мягко – его глаза чуть заметно искрились – мне казалось это нормальным. Это любовь, что ведет нас друг к другу сквозь время и расстояние, я всегда ищу эти глаза, даже если забываю об этом.

– Будет? – спросила я тихо.

Хотелось плакать. Наконец-то все будет в порядке, все хорошо, все закончилось. Он здесь. И отступили прочь давящие на сознание горы, соскользнули с плеч каменные плиты, тихой дымкой растворилась печаль. Он пришел... Хорошо. Почему так долго?

– Где ты был?

Внутри ровная гладь безмятежности, щемящая нежность, гигантское облегчение – такое сильное, что хотелось опуститься на пол безвольным кулем и плакать, пока не выйдет наружу все скопленное за годы горе.

– Я здесь.

Кажется, сбоку резанула светом вспышка фотокамеры – как раз тогда, когда моей щеки коснулись теплые пальцы, – я не обратила на нее ровным счетом никакого внимания.

– Пойдем?

Я сидела на краешке кровати, смотрела на Кайда и не могла понять – как я могла его забыть? Но он даже не выказывал недовольства – знал, что идти ко мне придется долго, что мою память пересекут другие люди, что вспыхнут дни, погаснут ночи – много ночей. И сейчас была одна из них – за окном темно, в комнате пусто. Когда успело стемнеть?

Что-то дернулось в моем сознании, когда издалека, будто из другой реальности прозвучал царапнувший до боли от того, что был знакомым, голос: «Наращивай страсть».

Но мне не удалось отвлечься – мое внимание цепко и мягко держал Кайд. Красивый, чуть усталый, так долго идущий мне навстречу. Где он был, в каких краях терялся, у скольких костров коротал часы ночами? Мне о многом нужно его расспросить, так много рассказать... И на языке лишь один вопрос:

– Ты останешься?

Наверное, ему вскоре пора. Но у нас есть еще бесценные пять минут, а может, сутки... Как хорошо, что он здесь.

– Я скучал...

Атмосфера изменилась, стоило фразе слететь с губ.

Его глаза – голубые, с едва незаметными искорками, бегущими по радужке, – завораживающее зрелище. Секунда, вторая, третья – чем дольше я в них смотрела, тем ярче понимала, что хочу его. Мне томно, жарко, почти невозможно оставаться вдали; нужно срочно преодолеть расстояние.

«Включай», – произнес кто-то из соседней галактики, будто режиссер фильма.

И неуловимо, будто невидимый прожектор, вспыхнуло внутри меня желание такой силы, что начала плавиться постель.

«Я хочу его... Эти губы, поцеловать эту шею, чтобы меня коснулись...»

Откуда-то я знала, что Кайд не просто коснется – он умеет давать совершенно другое – наслаждение, не имеющее границ. Физические действия не важны – он войдет в меня, будет двигаться, выйдет, но все это будет только началом настоящего соития – такому нет названия, это действие невозможно обозначить словом. Все будет бесконечно долго; процесс запущен...

А в голубых глазах насмешка и улыбка – не торопись, можешь сгореть.

Да, где-то рядом боль – он слишком силен, – но моего разума больше нет.

«Поехали», – дал отмашку невидимый человек.

И меня поцеловали. А после повалили на кровать, расстегивая блузку.

Лже-ночь полыхала вспышками невидимых фотокамер.

* * *

(Laleh – Here I Go Again)

То был контраст, сравнимый с вживанием в тело многочисленных жал, от которых невозможно скрыться. Там было жарко, там была любовь – здесь холодно, совершенно другие чувства.

Морок отпустил примерно час спустя. Вернулась прежняя память, чувства, состояния. Прежние, но гораздо хуже – я вела себя, как шлюха. Наверное, от того, чтобы встать, пойти в аптеку, купить яду и принять его, меня удерживало лишь то, что мы с Кайдом не переспали. Чертов Кайд – наваждение, гипнотезер бездушный. Я ведь ему поверила и даже не заметила, как изменилась, – все гладко.

А внутри противно.

Мы не спали – он трогал меня, целовал, а я его в ответ...

Мне было стыдно перед людьми, которые на это смотрели, перед Дрейком, перед Дэллом, но больше всего перед собой – вот так становятся подстилками. И чувства не важны: подошли, отключили прежнюю память, включили новую, как лампочку.

Снаружи во дворе постепенно темнело – наверное, уже четыре.

Я сбежала оттуда сразу, как только отыскала свою одежду.

«Именно так деградируют. Теряют личность, не помнят, кто ты есть на самом деле. И где же он – хваленый стержень, истинные приоритеты?»

Я проиграла самой себе по всем фронтам. Неизвестно, чем все закончится, но любить себя мне теперь будет сложнее. Больше не грела мысль, что все во благо; на губах до сих пор привкус Кайда.

Я надеялась, что никогда в жизни больше не встречу его – человека, согласившегося помочь.

«Конечно, куда с ним было тягаться Маку или Рену, которые никогда не специализировались на иллюзиях, но лишь на истинных чувствах? С ними бы мы взаимно отступили друг от друга прочь».

И ничего бы не вышло.

Зато отлично вышло с этим «помогателем».

Когда рядом опустился Дрейк, я не видела – Начальник умел быть тихим и «незаметным» при желании, это я узнала наверняка.

И не стала спрашивать: «Как все прошло?» – для меня оно прошло хуже некуда.

Он молчал, я тоже. Однако в какой-то момент встал поперек горла, как рыбная кость, злой вопрос:

– Что, вот так просто? Со всеми?

«Как с марионетками?»

Он понял.

- Просто, - качнул головой, - когда есть на то добровольное согласие.

Я стала себе дважды противнее.

- Против воли такие методы никто и никогда не применяет.

Верилось с трудом.

- Ты как? - спросил он почти с сочувствием. И я не стала говорить, что мне бы яду. Но и «хорошо» вытолкнуть не смогла. Потому что я даже не «нормально».

- Что дальше?

Снаружи холодно, внутри холодно. Мне до сих пор казалось, что недавно аккуратно и с вазелином изнасиловали мою «добрую» волю. И нет с собой ни Дитрина, ни алкоголя.

- Дальше я выдам тебе ключи от квартиры, в которой ты побудешь, пока мы ждем результатов. Подготовим фотографии, вышлем, зафиксируем уровень боли. В общем, по плану.

На чужой двор, который я запомню навсегда, я смотрела пустыми глазами.

А перед внутренним взором медленно и неотвратимо расползлся ядерный гриб.

* * *

Эта квартира не шла ни в какое сравнение с предыдущей - маленькая, тесная, безлика. Зачем Комиссионеры придержали ее для себя, не стоило даже вопрошать - все одно пальцем в небо. Здесь было много пыли и настолько пустой холодильник, насколько он никогда не был даже в моей коморке в Соларе, - девственно-чистый.

Меня спасала только решетка Халка. Я сидела на диване, поджав ноги, мерзла и представляла, что нахожусь по одну ее сторону, а все гадкие мысли и чувства по другую. И что они никак не могут до меня добраться – только агрессивный стук с обратной стороны – бам-бам-бам. Такой слышится, когда орудием из бревна атакуют вражеские ворота.

Надо просто пережить это время. Минута за минутой. Как-нибудь...

Очень гадко. Если бы на «фотосессии» мне оставили меня – МЕНЯ, а не чье-то сознание, я бы знала, что сопротивлялась хотя бы изнутри, что была против. Но Дрейк выбрал путь наименьшего сопротивления и максимально достоверных эмоций на моем лице – он ведь не мог рисковать.

Но почему-то совсем не думал о том, что рискует другим – моими чувствами, например. Но они же не в счет. Почему я никогда ни для кого не в счет?

Решетка дрожала так, будто на нее наваливались голодные зомби всей толпой – мозг, нам нужен твой мозг...

Бесконечно сильно хотелось, чтобы кто-то обнял. Маленькая Меган сидела внутри меня такая же одинокая – понимала, что у меня нет сил даже на нее.

«Он уже их увидел?»

Самая разрушительная для нервов мысль.

У меня тряслись руки, как у невротика, – хотелось выпить.

Я еще раз проверила холодильник, затем все шкафы, после чего убедилась, что на потенциальных алкоголиков это место не рассчитано.

И тогда принялась одеваться.

Супермаркет находился недалеко – я шагала к нему, втянув голову в плечи. Везде гирлянды, благостные лица прохожих, а мне казалось, что каждый из нас

окружен коконом – своим собственным миром. У одних он счастливый, наполненный предвкушением скорого празднования, выбором подарков, мыслями о чудесах. Вокруг меня же шагал мир синеватый, сумеречный и холодный – тот, в котором прошла атомная война. И она еще не закончилась. Осколки надежд, кровавые ошметки чувств, обнаженные скелеты-нервы, камни печали.

А что, если я потеряла Дэлла навсегда? Что, если я теперь одинокая и бездомная, совсем как раньше?

И что, если он не придет с боев еще сутки или двое – как мне держаться? Дитрин нельзя – его не принимают двое суток подряд, а на собственных нервах я, если и уеду далеко, то только в психушку. Спасибо Халку за подарок – жаль, что он не подозревает о том, как сильно помогает мне даже теперь.

В магазине я скидывала продукты в корзину, почти не глядя – банку соленых огурцов, ананасовые кольца в сиропе, хлеб, колбасу, водку. Последнюю я ненавидела, но шампанским празднуют, а мне праздновать нечего. Мне только поминать. И чтобы подействовало сразу и наверняка.

На кассе мне предложили коробку шоколадных конфет со скидкой – с яркой упаковки с блестками на меня смотрел веселый подмигивающий старец в красной шапке.

Я любила шоколад, но сейчас покачала головой – конфеты пахли праздником.

Мой мир пах тленом и гарью.

На решетке и водке, отупевшая от борьбы с собственной болью, я продержалась до половины восьмого вечера.

Он их уже увидел?

Уже увидел?

Мне никогда не было так страшно, как теперь. Дрейк, конечно же, позаботится о том, чтобы Дэлл вернулся сегодня домой – отзовет его с любого задания. Значит, это случится в любую минуту. И хотелось срочно бежать домой, чтобы изъять конверт, потому что еще не поздно, потому что еще все хорошо (последние секунды), потому что все еще можно изменить. Зачем я согласилась на абсурд?

Может, правда, домой? К черту Дрейков метод – мы найдем выход. Вместе, как-нибудь...

А после ожил лежащий на столе телефон – звонил Мак Аллертон.

«Сейчас он скажет, что Дэлла ранили, что он у Стива. И, значит, у меня есть время...»

Не знаю, откуда взялась эта надежда, но я совершенно иррационально обрадовалась ей, как фениксу.

Пусть его ранили – его вылечат. А я заберу фото, я скажу Дрейку «нет», и все отныне, наконец-то, пойдет хорошо. Я забуду, что была дурой, сумею закопать вкус измены поглубже, а когда все наладится...

– Меган?

От того, как именно прозвучало это слово, что-то внутри меня упало. Что-то тяжелое.

– Да?

Тишина. Дебильный стук моего сердца.

Эта гребаная тишина длилась столько, что меня успело затошнить.

– Я был с ним, – гробовым голосом произнес Мак, – когда он нашел этот конверт у дверей. Я был там...

«Лучше бы меня изъяли из этой реальности прямо сейчас».

Наверное, так умирают при жизни – от собственного ужаса. Я будто вместе с Аллертоном вдруг увидела, как Дэлл открывает дверь – впускает в дом клуб морозного воздуха, – удивленно оглядывает пустую подъездную дорожку, как натывается взглядом на конверт, поднимает его. Наверно, его лицо стало серым... Наверное, он удивлялся, почему до сих пор не разжимаются пальцы, зачем он до сих пор смотрит и не может оторваться – ведь самые ужасные зрелища обладают завораживающей силой.

– Я не знаю, зачем ты это сделала с ним...

«С нами. Со всем отрядом».

– ... но у тебя получилось. Больно.

Всхлипывая, я выронила телефон. Тут же судорожно сгребла его назад, сбросила звонок – тыкала в кнопку с красным кружком так яростно, будто она была кусающей меня змеей. А еще через пару секунд отключила сотовый совсем.

Его пришлось включить – таков был приказ Дрейка.

Я пила водку – один глоток, еще, еще. Как сумасшедшая жевала огурцы и понимала, что меня сейчас стошнит. Если стошнит, я выпью еще и снова. Буду пить до тех пор, пока водка не впитается в меня, если не через желудок, то хоть через что-нибудь.

Я превратилась в кусок спрессованного страха. В человека, в которого только что попало несколько снарядов – наверное, кишки порваны, – но сейчас нельзя чувствовать.

* * *

– Он едет к тебе... – на том конце Дрейк, – все прошло хорошо, но не совсем...

Я была пьянее самой себя в худшие времена. Тяжелая, неповоротливая, неспособная соображать.

«Как можно сейчас использовать слово «хорошо»?»

– Мы получили восемьдесят шесть процентов из нужных девяноста пяти. Минимум.

«Сто – смерть» – он говорил раньше. Да, нам нужно всего девяноста пять. Всего... мудак.

– Ты должна усилить его боль, поняла? Это в твоих интересах.

И он отключился.

В моих интересах... В моих... Почему в моих?

Кто, в жопу, так решил?

Дэлл едет ко мне.

Едет.

Ко мне.

Пусть он сделает мне контрольный в голову.

* * *

Я никогда не видела его таким – странно безжизненным. Он стоял на пороге, смотрел тяжело и грустно, склонив голову на бок.

«Как будто ему повредило шею...»

И не стал проходить вглубь помещения – не желал встречи с «любовником»?

Он был разрушен – я начала плакать до того, как осознала это. Дэлл не злился, не ругался – он просто стоял и чего-то ждал. Не знаю, чего. А после попросил:

– Пойдем... домой.

Он звал меня домой. Не хотел верить в предательство или осознанно выбрал в него не верить. Он хотел меня. Любил меня и хотел продолжать любить.

А я не могла.

Я должна была сделать ему больно. И это все равно, что обрушить кирпич на голову тому, кто уже на последнем издыхании. И никакая водка не помогла мне заглушить боль – по моим щекам градом лились слезы.

А в руках все те самые фотографии... Я впервые увидела их вживую, и мне хватило самой верхней, где чужая рука на моей обнаженной груди, а на лице блаженство. И будто черная пелена опустилась на мозг – на себя.

Он понял, куда я смотрю. И странным тихим голосом произнес:

– Я не верю. Это монтаж...

А в глазах вопрос – ведь монтаж? Скажи, что страшная сказка – вовсе не страшная. Он, как мальчишка, готов был верить любому моему объяснению, лишь бы не жуткой отторгающей правде.

– Ты ведь с ним не была...

Но я была. И сейчас должна была предать себя и Дэлла еще раз. Себя, нас, отряд... не предать только Дрейка. И вдруг захотелось заорать: «Это монтаж! Это его идиотский план, я бы никогда, я так сильно тебя люблю...»

И тогда бы Дрейк покачал головой – разве я для себя старался? Чтобы он жил. А что делаешь ты?

А мне нельзя любить и нельзя говорить хорошее.

– Я с ним была.

Хотелось навсегда онеметь после этих слов.

Дэлл смотрел на меня без осуждения, но с глубокой тоской. И вдруг стало понятно, что это именно он бы прошел ради меня через столетия и вселенные, это он бы пропах звездами и пылью дальних дорог, лишь бы мы однажды встретились.

И тогда я сломалась – закричала, забилась в истерике. И из меня исторгалось одно-единственное слово – НЕНАВИЖУ! Себя, Дрейка, эту ситуацию – ненавижу жизнь за то, что она подставила меня под такое. Ненавижу себя за то, что бью, когда не хочу, за малодушие, за нежелание делать больно, когда надо. Ненавижу...

А когда я сумела оторвать руки от мокрого лица, уже сидя на полу, то увидела, что Дэлл ушел.

Только открытая дверь, а за ней никого.

Я успела добраться до окна как раз вовремя, чтобы увидеть, как от подъезда внизу отъезжает автомобиль Мака.

И тогда согнулась пополам от плача.

Мы рыдали вместе – я и маленькая Меган.

* * *

Дрейк пришел полчаса спустя – мои глаза так опухли, что я почти ничего не видела.

– Девяносто один процент – мы почти у цели.

Он почти у цели. А мне уже почему-то все равно – я достигла ста.

– Ладно, я не думал, что это понадобится, но раз так...

Начальник сидел в кресле и задумчиво барабанил пальцами по подлокотнику. Я впервые видела его мрачным и где-то далеко – в месте, которое еще чувствовало, – радовалась этому.

– Добивать придется всем арсеналом: сообщим, что ты подседа на наркотики, а до этого жила с ним из-за денег, что торговала его взрывчаткой...

Это бред. Я больше не могла и не хотела этого слушать – может быть, я просто Меган, но у меня еще осталась гордость. Совсем чуть-чуть. И один процент не преданной души.

Один. Но он есть.

– Нет.

– Что?

Кажется, сидящий в кресле человек не ожидал, что его прервут.

– Все остальное – без меня.

Я буду искать свой метод помочь Дэллу. Даже если поздно, даже если после успешного исхода (если таковой возможен) меня никогда не примут обратно. Терять уже нечего.

– Без тебя?

На меня смотрели странно.

Что, я предатель еще для одного человека – для Дрейка? Одним больше, одним меньше. Кто вообще решил, что мы должны кого-то слушать, пусть даже почти всемогущего дядьку? Надоело. То ли водка сделала свое дело, то ли боль, то ли я «исцелилась», потому что достигла собственного дна.

- Должен быть другой путь ему помочь.

Я сказала это тихо, никого не пытаясь убедить. Не будет искать он, буду я.

Начальник поджал губы. Долго молчал, удивленный и раздосадованный, – как же, его гениальный план потерпел крах, почти воплотившись. Но меня с места больше никто не сдвинет.

- Вышла из игры, значит. Пожалела собственных нервов?

Нет, собственных нервов мне не жаль, как ни странно – их мотали на все лады, живых уже не осталось.

- Ладно, – Дрейк смотрел на меня тяжело – мол, опять я должен всех вас выпутывать один. Будто это я подкинула Дэллу Цэллэ, будто это все из-за меня. – Я положу его пока в крио-сон...

Что-то слабо дернулось внутри меня.

- Это остановит...

Прервали меня жестко.

- Не остановит. Чуть замедлит физические процессы, но сознание в сон поместить нельзя, а разрушается именно оно.

И опять этот взгляд, как будто я пролила в ароматную кашу банку чернил.

Да, Меган всегда и во всем виновата.

- Буду думать, что делать, когда «Мирстон» закончится.

Дрейк поднялся.

Остановился уже у двери, спросил:

- Что я буду должен ему сказать?

Насчет чего? И когда? Перед тем, как положить Дэлла в сон или после пробуждения?

Я смотрела ровно - больше не намеревалась отводить взгляд от кого бы то ни было.

- Скажите ему то, что хотели с самого начала. Что я умерла.

Глава 3

(Pol Solonar - Melancholy)

Я проснулась трезвая и мрачная. И какая-то «ровная», почти безразличная ко всему. Не то каркас стабильности сработал после того, как я вечером дважды промыла желудок и сумела уснуть, не то сказывался побочный эффект после Комиссионеров и Кайда. А, может, просто нервов реагировать на что-то не осталось.

Ни эмоций, ни чувств, лишь тяжелая пустая голова и понимание, что мне некуда идти. Совсем. Чужая в этом доме и в этой жизни.

Стоило мне пытаться повернуть внимание в сторону Дэлла - как он, где он, что думает и делает, - как поднимался из глубины невидимый заслон, похожий на толстое и мутное стекло.

Наверное, к лучшему.

За окном пасмурный зимний день; вокруг чужая пыльная квартира, в которой не хотелось убираться - мое единственное теперь пристанище. Наверное, реши я отсиживаться здесь до скончания века, Дрейк слова бы не сказал. Моих шести тысяч долларов (их, как и обещали, вернули на карту) хватило бы на питье,

продукты, все необходимое на длительный срок, если тратить экономно. Но в чем смысл?

Кто я? Зачем я?

Кажется, вчера я все-таки достигла ста...

И вопреки приказу выключен сотовый – защитная реакция организма. Включать его я не торопилась. Сначала нужно придумать, чего именно я хочу.

Я хочу... Не кто-то. В кои веки.

Но куда яснее на данный момент для меня ощущалось то, чего я НЕ хочу – оставаться здесь, находиться без дела, существовать там, где мне нет места.

План был по-дурацки прост. Денег у меня на один вопрос, да и вопрос, собственно, только один – противоядие от Цэллэ существует?

Если да, нужно выяснить, как его найти, куда для этого податься, что сделать...

Мда, вопросов столько, что сначала нужно ограбить банк.

Но один я все-таки задать могу...

И тогда уже смогу думать, что делать и где быть.

Мобильный я включила, испытывая нервозность. Отсутствие входящих – плохо, присутствие входящих – плохо. Что за жизнь? И потому не стала дожидаться, пока сотовая вышка передаст мой ближайший прогноз судьбы, вместо этого нажала решетку, дождалась, пока в трубке послышится длинный гудок. Долго ничего не произносила, думала.

«Слишком мало денег, слишком много вопросов... Сейчас они скажут: «У вас не хватает средств» или «Противоядия не существует» или...»

Хуже всего, что я не знала, что делать в случае «или».

Я не смогу сидеть здесь, потому что однажды все-таки начну думать, как там Дэлл.

И тогда сломаюсь.

А за окном снег – легкий, пушистый, – как напоминание о чем-то несбыточном, но очень желанном.

«Задай его...»

«Деньги кончатся, и что тогда?»

«Тогда ты будешь знать».

«Я уже не хочу ничего знать».

Действительно, состояние оцепенения и полной апатии сейчас казалось самым привлекательным, но я понимала, что оно не продержится и часа – треснет, как склеенная на слюну ваза.

Улететь бы, как птица, к черту на кулички – туда, где светло и тепло.

Подергала изнутри маленькая Меган – давай, мол. Знать лучше, чем не знать.

Она права – не хватало еще начать терзаться из-за того, что вчера я отказалась участвовать в плане Дрейка.

Нет, решила сама – надо «сама».

– У меня мало денег, Вы знаете, сколько именно, – я зачем-то говорила с невидимым собеседником на том конце, как с другом. Может, потому что готова

была жаловаться на жизнь первому встречному, даже Информатору. – И мне очень нужно знать, существует ли противоядие от Цэллэ? И, если да, как его найти...

В трубке долго молчали. Так долго, что я начала сомневаться, что там кто-то есть. Но ответ все же послышался.

– Чтобы получить ответ на первый вопрос, у Вас хватает средств, но на второй – нет.

Черт... Черт-черт-черт... Что же делать? Конечно, платить за первый, и, если они скажут «да», то искать деньги на оплату второго. В конце концов, это сейчас самое важное.

– Скажите мне ответ на первый, пожалуйста.

Я нервничала, чувствовала, как потеют ладони и как сильно хочется скрутить в свиной хвост несуществующий шнур.

– Да, существует.

Есть! Собственный выдох облегчения мне запомнился надолго – из меня, кажется, вышли куболитры воздуха.

– А сколько будет стоить информация по второму вопросу? Я найду деньги, сколько скажете, обещаю...

«Займу!»

– Видите ли, в чем дело, – «друг» прочистил горло, – противоядие существует только там, где изготавливали Цэллэ, но по соглашению с Комиссией мы не имеем права ни озвучивать название мира, ни давать информацию о нахождении ведущего туда Портала. К тому же он является «меж-мировым» и закрыт специальным кодом.

Я потухла, как последний чадящий в костре уголь под струей воды.

Снова зябко и пусто. Впереди лишь один путь, ведущий в собственные кошмары. Значит, надо как-то выжить в чужой квартире сутки-двое-трое. Значит, только ждать, пытаясь остаться не сожранной страхами.

– Спасибо, – это я произнесла на автомате, когда поняла, что мы уже долго молчим – Информатор и я. Наверное, теперь у меня нет шести тысяч. И никакой нужной информации тоже нет. – Это противоядие мне очень нужно. Очень. И я бы нашла...

«Любые деньги».

Я отключила связь, не договорив.

Опустила руки, повесила голову.

Все. Звонящая пустота; смысл жизни ускользал от меня. Когда есть дорога, есть цель – просто. Я будто находилась между невидимых граней бесконечного лабиринта – кажется, вот же он путь, – но опять тупик. Все прозрачно, а выхода нет. И бритвенно-острые края у стекол.

Наверное, так выглядит депрессия.

Больше не хотелось ни есть, ни пить, ни куда-то идти. Хотелось просто раствориться – легко и безболезненно, перестать быть. Чтобы соскользнула с плеч и сердца тяжесть, чтобы вспомнить, что где-то еще можно смеяться.

А ведь недавно все было так хорошо...

Недавно. Было. Оба слова уже из другой галактики. Я долго смотрела на телефон, прежде чем нажать кнопку отключения – мне так никто и не звонил – сотовая вышка все-таки поймала прогноз моего будущего настроения – «во мрак».

Я протяжно вздохнула. Притаилась у собственного маленького окна, за которым тоже падал снег, рыжеволосая малышка Меган.

Мы даже молчали с ней отдельно.

Я уже держала кнопку отключения зажатой, когда сотовый вдруг ожил, разразился трелью.

И тогда я резко убрала палец – поздно! – телефон ушел в перезагрузку.

Кто это был? Почему-то гулко стучало сердце – как тогда, когда ты уже готов перекрыть себе последний глоток воздуха, но кто-то вдруг стучит в твою дверь. Как знак, как судьба.

– Давай же, быстрее...

Может, неизвестный перезвонит снова? Я успела увидеть только надпись «номер не определен». Очень хотелось верить, что меня набрал кто-то «важный» – ну, да, утопающий хватается за соломинку.

– Давай... Звони. Звони...

Я смотрела на заново включившийся телефон третью минуту кряду – тишина.

– Звони... Я включила.

Кто это был? Может, робот от какого-нибудь банка, предлагающий кредиты? Или сервис, проверяющий качество обслуживания работы домашнего интернета? Тогда я зря надеюсь.

Тишина. Значит, не знак – случайное и досадное совпадение...

Жаль. Так хотелось, чтобы до того, как из-под ног выскользнет табуретка, кто-нибудь успел перерезать веревку. Но так, наверное, только в фильмах.

Стоило мне подумать о том, что на том конце мог быть Дрейк, решивший спросить, бегу ли я уже к Реактору, как я тут же снова решила выключить

телефон. И не успела.

Опять звонок. И опять «номер не определен».

– Да! Алло!

Я прижала трубку к уху так тесно, будто от этого зависело качество связи.

– Меган Одриард?

– Да.

Голос я узнала. Потому, что я только что с ним говорила – с «другом».

– Мне не нужно представляться?

В горле пересохло. Мне перезвонил «информатор»? Я могла поклясться – невиданное доселе зрелище.

– Не нужно.

– Хорошо. У меня для Вас есть кое-какие новости. Точнее, предложение, если хотите.

Я хотела. Любое предложение.

– Говорите.

– Скажите, если мы назовем Вам мир, где изготовили Цэллэ, Вы туда отправитесь?

– Конечно.

«Сегодня же»

– Хорошо. Тогда рад Вам сообщить, что у нас есть право передавать закрытую информацию в том случае, если это служит нашим личным интересам. Ответственность за подобное лежит на нас, и мы готовы ее взять.

Что? Они собираются сказать мне, как попасть в нужный мир?

– У меня... нет денег.

Я не проверяла счет, но, наверное, там ноль.

– В данном случае нас не интересуют деньги, поэтому за первый вопрос мы тоже не стали с Вас ничего снимать.

– Тогда... почему?

«Почему вы решили мне помочь?»

– Как я уже сказал, нам кое-что требуется и Вы доставите это нам, согласны?

– Из мира Цэллэ?

– Да.

Я достану. Что угодно, хоть луну с местного неба.

– Записывайте, – еще никогда я с такой суматошностью не рылась в собственной сумочке. Ручка, кассовый чек из какого-то магазина – готова! – Отправляйтесь в центральную библиотеку, попросите книгу под названием «Труды Томаса Кавика: раздел нейробиохимия», уединитесь. Откройте ее на странице пятьсот два – там будет листок. Только учтите, даже в таком случае, как этот, мы не имеем права передавать данные в незашифрованном виде. Однако у вас в наличие имеются все... средства... чтобы сделать их для себя доступными. Это все.

Он отключился прежде, чем я успела вставить хоть слово.

А на записке криво и нервно начертано: «Библ., Кавик, 502...»

Я отложила сотовый и дописала «нейробиохимия».

* * *

(Dj Rostej – Love me (Original Mix))

От улицы Вандерберта до площади Коруна, где располагалось высокое и старинное здание библиотеки, ходил семнадцатый автобус.

На нем я и ехала.

Рядом тетка с сумкой, откуда торчит мишура; смеющаяся компания молодежи у дверцы водительской кабины – у всех своя жизнь. Мы почему-то забываем, что у каждого она всегда своя, – ошибочно полагаем, что принадлежим друг другу, но на деле – лишь временно пересекаемся, как пылинки в солнечном свете.

Я старалась думать о чем угодно, только не о том, как именно пережил эту ночь Дэлл. Стоило мне соскользнуть в эту тему, как тут же виделось его серое от боли лицо, стоящая на столе пустая бутылка виски и Мак, не позволяющий дотянуться до сотового...

Нет, все было не так... наверное... Когда я отказала Дрейку, тот сразу же поехал к Дэллу, забрал его в Реактор, уложил в спокойный и долгий сон.

Я буду верить в это. Мне так проще и правильнее – полагать, что у меня есть в запасе несколько дней, в течение которых я могу попытаться что-то сделать.

Мак... Рассказал ли он остальным? Той же Лайзе?

Подумала об этом и тут же разозлилась на себя – да, какая мне разница? Почему нам всегда есть дело до того, что думают о нас другие?

Уткнув себя в принудительное безмыслие, я проехала еще три остановки. Да, конечно, можно было на такси – быстрее, – но сейчас хотелось вот такой размеренной тишины, тряски сиденья, ощущения, что впереди брезжит свет надежды.

«Может, стоило согласиться продолжить с Дрейком? Ну, выставили бы меня наркоманкой...»

Но я не могла. И дело не в плевках в душу, а в том, что я больше не могла по собственной воле резать наживую любимого человека, пусть даже для его же блага. Невозможно любить и причинять боль. Это не любовь. Когда любишь, хочется окружить заботой, нежностью, подарить все теплое, что есть внутри, поделиться светом. И это не жертва – подарок. И ему, и себе...

Тему с Дрейком я закрыла раз и навсегда.

Когда принял решение – держись его. Потому что тогда ты держишься себя самого, а это все, что у тебя на самом деле есть.

* * *

Наверное, когда-то давно в этом здании располагалась церковь – так почему-то казалось. Такая, какие мы иногда видели в фильмах, которые приносила из своего мира Бернарда: темные часовни, стрельчатые своды, алтари по центру. В Нордейле подобных, наверное, никогда не было – хотя, много ли я знала о его изменчивой истории? Когда у власти стоит тот, кто способен поворачивать вспять течение времени и перекраивать ход событий, можно ли полагаться на летописные хроники?

На пятый этаж я поднималась в лифте с прозрачными стенами; белокурая старушка негромко инструктировала:

– Не шуметь. Не сорить. Занимать можно любое свободное место. Не мешать чтению других посетителей библиотеки. Книгу я найду Вам самостоятельно...

Меня все устраивало. Правда, чесались от нетерпения руки и нервы, что, впрочем, не мешало рассматривать удивительный высокий зал с огромной дырой

посередине. Правильнее сказать, «пространством» – а все потому, что полки расположены по периметру, там же скамьи и перила. В центре же можно было повесить второе солнце – незанятой территории бы хватило.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

об одной из таких встреч будет написано задним числом – здесь и далее прим. автора.

2

Эти события описаны в книге «Дэлл»

Купить: <https://telnovel.com/veronika-melan/dell-2-megan>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)